

Лилия ЛУКИНА

ЕСЛИ НАМ
СУДЬБА...

*Новое слово
отечественного
детектива!*



ДЕТЕКТИВ

Лилия Лукина
Если нам судьба...

«Автор»

2005

Лукина Л.

Если нам судьба... / Л. Лукина — «Автор», 2005

ISBN 5-17-027323-1

Зачем понадобилось знаменитому московскому артисту Власову обращаться за помощью к Елене – частному детективу из маленького волжского городка? Правда ли, что много лет назад почти незнакомая женщина родила от него сыновей-близнецов? И если это правда, то почему все попытки отыскать их словно натывается на глухую стену? Елена начинает дело, что называется, с нуля – но случайно выходит на человека, который явно знает что-то о судьбе сыновей Власова. Однако именно он почему-то молчит. И вопросов у Елены становится все больше...

ISBN 5-17-027323-1

© Лукина Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лилия Лукина

Если нам судьба...

Светлой памяти Игоря Владимировича Комарова, истинного сына неба, посвящается.

Настя откровенно капризничала и получала огромное удовольствие от того, что все вокруг нее суетились.

– Я не буду зеленый чай, он горький и противный...

Катя чуть не плакала:

– Настенька, я тебя очень прошу, вот и Славик тебя просит. Ну, что делать, если тебе в твоём положении можно пить только такой.

Знакомые врачи Кати нашли у Насти редкую форму позднего токсикоза. – Славик тоже выпьет с тобой за компанию. Правда, Славик?

Тот с радостью закивал – ради жены он был готов абсолютно на все, и Настя милостиво согласилась. Катя успокоилась и, прихлебывая кофе, с улыбкой смотрела на «детей», как называли их в доме, которые провели в гостях у Настиного отца – известного артиста театра и кино Александра Павловича Власова – майские праздники и сейчас завтракали перед отъездом в Москву. Сам Власов, вернувшись накануне очень поздно, еще спал, и проводить «детей» вышла Катя. Она жила с Александром Павловичем уже полгода, и они вроде бы неплохо ладили.

Настя, дочь Власова и артистки Ольги Скворцовой, женщины сказочной красоты, но весьма посредственного ума и таланта, не пошла по стопам своих родителей и после окончания филфака МГУ работала корреспондентом в редакции еженедельника «Столичные вести». Ее недолгий, но бурный роман с молодым банкиром Вячеславом Глебовым благополучно закончился свадьбой, и теперь она ждала ребенка. Врачи говорили, что будет мальчик. В ожидании внука Власов, и без того безумно любивший дочь, хотя он втайне всегда мечтал о сыне, баловал ее уже просто сверх всякой меры.

После развода с женой Александр Павлович оставил ей московскую квартиру и переехал в свой загородный дом, где, вдали от глаз вездесущих журналистов, чувствовал себя совершенно свободно.

Катя, Екатерина Петровна Добрынина, не была первой женщиной, приглашенной пожить в этом доме, но, в отличие от своих предшественниц, задержалась, по мнению хорошо знавших Власова людей, надолго, потому что была не только умна, но и совершенно самостоятельна и материально независима, будучи в 37 лет доктором медицинских наук и одним из крупнейших и, заметим, очень дорогих гастроэнтерологов столицы.

Во время неизбежных «скоков вбок» Александра Павловича (а он, как натура творческая и увлекающаяся, был им периодически подвержен) Екатерина Петровна никогда не скандалила. Извинившись перед Власовым за то, что ей срочно нужно написать научную статью в медицинский журнал, или отзыв на чью-то диссертацию, или что-то еще, для чего требовалось поработать в ее домашней библиотеке, она уезжала в свою московскую квартиру, где, как говорили ее знакомые, молча страдала. Во всяком случае никто и никогда не слышал от нее ни одного плохого слова в адрес Александра Павловича и его очередной пассивности. «Главное, чтобы ему было хорошо», – вот и все, что говорила она в таких случаях.

Увлечения Власова, как правило, проходили через неделю-другую. Ведь молоденьким девочкам хотелось всего и сразу: совместных выходов в «свет», дорогих подарков, главных ролей в спектаклях и фильмах (Александр Павлович в последние годы много и успешно работал как режиссер) и логического завершения – законного брака. Иначе говоря, Александр Павлович был для них не целью, а средством достижения цели. И, убедившись в этом

в очередной раз, Власов нес свою повинную голову к Добрыниной, которая ничего от него не требовала, не афишировала их отношения, была довольна своим положением, и просил прощения, которое обычно и получал.

Отношения Екатерины Петровны и Насти складывались непросто. С детства беспредельно избалованная родителями, не знавшая ни в чем отказа, она не привыкла делить любовь отца ни с кем. Присутствие Кати в доме она снисходительно терпела, понимая, что пусть уж лучше рядом с отцом будет такая вот наседка, чем молодая стервочка, справиться с которой может оказаться непросто. Катя с этим смирилась, да она и не пыталась командовать, давать советы, лезть в друзья, а была спокойна, дружелюбна и ненавязчива.

Уже в машине Глебов сказал:

– Стася, тебе не кажется, что Александру Павловичу наконец-то повезло? Катя, вроде бы, нормальная тетка, любит его, заботится...

Но Настя была другого мнения:

– Дура она, и гордости у нее – ни капли: «Сашенька то, Сашенька се...». Да другая бы на ее месте... Вячеслав был наслышан о взаимоотношениях тестя и тещи, поэтому быстро сменил тему: – Все-таки люди – существа стадные. Кто-то кому-то когда-то сказал, что по утрам после выходных машин на трассе меньше, чем в воскресенье вечером, тот еще кому-то, и пошло-поехало. Теперь люди возвращаются в город утром в понедельник, и на дороге черт знает что творится, ты только посмотри. Прибавлю-ка я газ, а то мы так только к вечеру приедем. Ну, зачем иметь «Мерс», если тащиться за каким-то «Москвичом»? Сейчас я его сделаю...

Настя, никогда не любившая лихачества за рулем, сейчас почему-то поддержала мужа и, повеселев, даже стала подсказывать ему, кого бы еще обогнать. Глебов все увеличивал скорость, «подрезал» другие машины, шел на двойной обгон. Обоих охватило какое-то странное возбуждение, сначала они смеялись, потом хохотали, казалось, что им море по колено, все по силам, все получится. Гаишник пытался их остановить, но они пролетели мимо, не обратив на него внимания.

Глебов в очередной раз пошел на двойной обгон. Навстречу ему двигался «КАМАЗ». Ни тому, ни другому некуда было отвернуть. Они встретились...

5 мая 2003 года. Телевизионный канал «4С» («Самые Свежие Сплетни и Скандалы»), информационный выпуск в 19.00:

– Добрый вечер. В студии я, Анна Горемыкина, с рассказом о самых заметных событиях дня. Самым трагичным, безусловно, стала автомобильная авария, в которой столкнулись «Мерседес» и «КАМАЗ». Водитель «КАМАЗа» отделался легкими ушибами и от госпитализации отказался. После того как с применением спецтехники удалось извлечь пассажиров «Мерседеса», выяснилось, что в момент аварии за рулем автомобиля находился вице-президент банка «Развитие столицы» Вячеслав Глебов, а рядом – его жена Анастасия, дочь известного артиста Александра Власова. По мнению специалистов, смерть обоих наступила мгновенно. Как утверждают свидетели происшествия, виновником аварии несомненно является господин Глебов, который и до момента столкновения вел машину очень странно, производя впечатление человека, не способного контролировать свое поведение, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Наш корреспондент Иван Склочный побывал в банке «Развитие столицы» и попросил президента банка Евгения Хохлова прокомментировать эту трагедию.

– Господин Хохлов, считаете ли вы возможным, что ваш заместитель был во время аварии, скажем так, в несколько приподнятом, вы понимаете, что я имею в виду, настроении?

Президент банка, импозантный мужчина средних лет, был заметно растерян: – Нет. Совершенно определенно – нет. Вячеслав Иннокентьевич был человеком, если уж не совсем непьющим, то очень-очень малопьющим. Во-первых, наша работа требует трезвого к ней

отношения. Кроме всего прочего, на сегодняшний день у нас были запланированы настолько ответственные встречи, что... Нет, это совершенно исключено. А, во-вторых, Вячеслав был очень дисциплинированным водителем, ну, а уж если рядом с ним сидела Настенька... Он ни за что не стал бы так по-глупому рисковать... Он ее просто боготворил... Они же малыша ждали... Нет, не верю, – твердым голосом закончил он и добавил: – Со своей стороны мы предпримем собственное расследование этой аварии и не позволим бросить тень на репутацию нашего банка».

– Минутку, – Горемыкина быстро просмотрела какую-то бумагу. – К нам только что поступила информация о результатах судебно-медицинской экспертизы по делу об этой аварии. Врачи сделали заключение, цитирую: «...следов алкоголя, каких-либо наркотических или отравляющих веществ в крови Глебова В. И. не обнаружено».

Глава 1

Черт, как Власова-то жалко, подумала я, выключая телевизор. Недели две назад показывали интервью с ним, так я еще порадовалась – мужику полтинник, а он бодрый, цветущий, энергия просто ключом бьет: новый сериал задумал снимать, пробы там всякие. Постарел он, конечно, но все равно еще хорош, очень даже «на ходу». Секс-символ всех времен и всех женщин. Ну, пусть не всех, но половина женского населения необъятного некогда Союза уж точно была в него влюблена. Высокий, стройный, красивый блондин... Улыбка... Взгляд... Был он чем-то похож на аристократа, как их в книгах описывают и в фильмах изображают, недаром его частенько на такие роли приглашали. Я сама, когда его на экране видела, думала: какой же он красивый и, самое главное, безмерно талантливый. А о его романах просто легенды рассказывали, часть из них, наверное, таковыми и была.

Сидя в кресле, я машинально собирала кошачью шерсть с обивки – Васька нещадно линял независимо от времени года, оставляя свою шерстку на всем, что попало. Но это полбеды. Дело в том, что его шерсть была каким-то странным образом наэлектризована, и ему достаточно было просто пройти мимо чего-нибудь, чтобы оставить на нем свои отметины. А уж если он вздумает обо что-то потереться!..

– Да, жалко мне Власова, – сказала я, скатывая в тугой комок собранную Васькину шерсть и поднимаясь, чтобы выкинуть ее в ведро. – И помочь ему я ничем не смогу, даже если захотела бы. Говорят, правда, что время все лечит. Хотя и не у всех, и не всегда. Правда, Васька? – В отчет молчание. – Васька, Василис! Ты куда спрятался? – Неужели выскочил, когда я дверь открывала? Тогда придется идти искать его в подвал, пока блох не набрался. – Васька, кошкин сын, где же ты?

Оставалось последнее средство, уж если он и сейчас не появится, то тогда точно придется идти его искать. Я пошла на кухню, открыла холодильник, достала кастрюльку с вареной рыбой и погремела крышкой – тут же раздался Васькин топот, в дверях материализовалась его бело-бежевая пушистая мордочка и прозвучало вопросительное «Мрр?»

– Нет у тебя, Васька, совести! – с облегчением сказала я. – А рыбы я тебе не дам – ел недавно. И так уже больше пяти килограммов вешишь.

Поняв, что тревога была ложной, Васька укоризненно глянул на меня, медленно повернулся и отправился обратно в комнату, презрительно задрав лисьей пушистости бежевый хвост и виляя своими белоснежными галифе.

Ну, слава Богу, дома...

А шумиха вокруг гибели дочери Власова и не думала стихать. Журналисты и журналюшки всех окрасов и мастей так бесцеремонно лезли к нему за интервью, высказывая порой не только нелепые, но и оскорбительные предположения, что просто смотреть больно было. Так и хотелось сказать им: «Сволочи! Да оставьте вы мужика в покое, дайте в себя прийти! Трупоеды, представители второй древнейшей, вы край-то хоть видите или нет?»

Еженедельник «Сплетня» от 7-го мая особенно постарался, поместив на первой странице фотографию Власова, когда его из дома на место аварии вызвали – настоящий старик с потухшим взглядом, растерянный, может быть, даже еще не до конца понявший, какое непонравившееся ему случилось, или понявший, но отказывающийся поверить в эту страшную несправедливость судьбы, а рядом с ним женщина, тоже по-домашнему одетая. Она его поддерживает, он ее за плечи обнял, а скорее всего, опирается на нее – видимо, ноги не держат. Подпись под фотографией обещала много интересных подробностей на 4–7 страницах.

Как и ожидалось, это было очередное перетряхивание грязного белья, поштучное перемывание косточек беушного скелета из старого шкафа, но было и кое-что новое. Оказывается, фотографии с места аварии любезно предоставил редакции очевидец событий – у него

чисто случайно с собой фотоаппарат был, вот он и наснимал, не иначе как для семейного альбома старался. Интересно, сколько он слупил с редакции за такой эксклюзив? А женщина рядом с Власовым – Екатерина Петровна Добрынина, которая последние полгода ведет с Власовым, так сказать, совместное хозяйство, деля кров и пищу. Конечно, было бы интересно рассмотреть ее получше, но стояла она вполоборота, и лица хорошо видно не было, а больше ни в одном издании ни ее фотографий, ни упоминаний о ней пока не появилось. Ну, да ладно, раз она попалась этим щелкоперам на глаза, они с нее с живой не слезут. Бог ей на помощь!

Я как в воду глядела. Та же «Сплетня» 14 мая дала на весь разворот статью «Новая любовь Александра Власова» с массой фотографий и большим интервью с Добрыниной. Странное у меня сложилось впечатление от этой публикации, главное, я так и не смогла понять, что их может связывать – они же совершенно разные люди.

Ну, привел Власова в октябре прошлого года к ней на прием их общий знакомый. Ну, установились у них теплые дружеские отношения. Что дальше? Он артист – у него свои интересы, она врач, у нее – свои. Вопрос: где они пересекаются? Тринадцать лет разницы, если бы оба были артистами, можно понять: встречались союзы и чуднее, так ведь этого нет. Она нужна ему как врач? Но он же не лежащий больной, чтобы ему ежедневный осмотр требовался.

А главное, он-то ей зачем? Она, женщина состоятельная, с именем и положением в научных кругах, могла бы связать свою жизнь с человеком более спокойной профессии со сходными интересами, каким-нибудь крупным ученым, ну, там, академиком, профессором. Хотя профессор в ее жизни уже был: «После смерти моего мужа, профессора Баратовского мединститута Сергея Добрынина я даже подумать не могла, что когда-нибудь встречу человека, который смягчит горечь моей потери, сможет вернуть меня к жизни». О Власове – так вообще с придыханием: «Трудно ли жить с гением? Очень трудно, но безумно интересно... Он исключительный человек: чуткий, добрый, необыкновенно ранимый, как все талантливые люди. Ужасная трагедия сблизил нас, мы находим поддержку друг в друге... Я так любила Настеньку...».

Красавицей Добрынину не назвала бы и лучшая подруга, какая-то бледная поганка, а не женщина. Она была даже не серая, а абсолютно бесцветная: что волосы, что глаза. Ни модной стрижки, ни макияжа, хотя для такого случая можно было бы привести себя в порядок.

Мне стало очень обидно за Власова, что он с ней связался. Может быть, она добрая, любящая и заботливая, но, с моей точки зрения, совершенно ему не пара. Интересно, чем вся эта история закончится. Ведь любопытство, вообще – неотъемлемая составляющая моей профессии.

Позвольте представиться: Елена Васильевна Лукова, почти тридцати шести лет от роду. Живу я в губернском городе Баратове, который стоит на правом берегу Волги. Родилась я в небольшом райцентре нашей же губернии Калашове, закончила Баратовский юридический институт и осталась работать следователем в Пролетарском райотделе милиции.

Как и следует из названия, жители района работали в основном на расположенных неподалеку заводах. Серьезные преступления здесь совершались редко, зато на отсутствие бытовых пожаловаться было нельзя: драки на дискотеках, пьяные разборки между соседями или в семье, нередко заканчивавшиеся тяжкими увечьями, а порой и смертью, мелкие кражи из ларьков и магазинов, хулиганство.

Нельзя сказать, чтобы я была в восторге от такой работы. Мне, как и любому другому следователю, хотелось раскрыть какое-нибудь громкое преступление, которое создало бы мне репутацию серьезного, вдумчивого специалиста. А закончилась моя служба довольно банально.

В апреле 98-го поступило ко мне дело о наезде со смертельным исходом – вылетев на тротуар, машина сбила двадцатилетнего парня, который скончался в больнице от полученных травм, водитель же с места происшествия скрылся. Свидетели запомнили марку и номер машины, так что найти виновного не составило никакого труда – им оказался Анатолий Богданов, сынок директора Баратовского судоремонтного завода, который сразу же начал выручать непутевого наследника. Работали по давно и хорошо изученной всеми следователями схеме: машину угнали, а сам хозяин якобы в момент аварии находился дома и ведать не ведал, что произошло. Все бы и обошлось, да только одна из проституток (а их в последнее время в городе развелось, что собак нерезаных – в пору собственный профсоюз создавать) рассказала подружкам, что, когда она с Богдановым в машине ехала, тот сильно пьяный был и сбил человека.

Откровенно говоря, сам потерпевший слова доброго не стоил. По сведениям участкового, вся семья от него немало натерпелась: пил не просыхая, тащил из дома вещи, дебоширил, а порой и руку на мать не только поднимал, но и опускал. Так что, может, они все и вздохнули с облегчением, когда его не стало, только закон для всех одинаков – это я тогда так по глупости считала.

Начальник нашего райотдела Федор Семенович Солдатов меня сначала мягко увещевал, чтобы я дело закрыла, а поскольку я уперлась, все из-за характера своего дурацкого, то дело у меня забрали и передали другому следователю, который свою службу «правильно» понимал. А для меня начались очень безрадостные дни – перевели на работу с трудными подростками, а они в районе почти все такие. Промучилась я где-то с полгода, да и подала рапорт об увольнении, который мне охотно подписали, и вышла в гражданскую жизнь, еще не ведая, чем буду заниматься.

Хорошо хоть родители, которые с началом непонятных времен перебрались к родственникам в деревню и стали откармливать кабанчиков, смогли мне еще раньше квартиру купить. Так что крыша над головой у меня была.

На мысль заняться частным сыском меня натолкнул Николай Егоров, или Егор, или Мыкола, а в минуты гнева – Егурец, с которым мы вместе начинали работать в райотделе и некоторое время, пока он не женился, так сказать, дружили. Черноволосый, темноглазый, смуглый Колька – человек не только возмутительно ехидный и пронзительно умный, но и, самое главное, надежный товарищ, который в очень трудную для меня минуту мужественно подставил мне плечо, и, если бы не он, еще неизвестно, чем бы для меня все закончилось. Воистину, нет лучших друзей, чем бывшие любовники, если люди расстались по-доброму, без истерик, скандалов и взаимных претензий.

Тогда же, в 98-м, забежав ко мне как-то вечером выпить кофе и увидев, что я маюсь от безделья, он выдвинул эту, как казалось в тот момент, безумную идею, за которую я радостно ухватилась. А что, образование соответствует, опыт работы имеется. Вперед! Я получила лицензию, купила, на всякий случай, пистолет, естественно, с разрешением и дала объявления во все местные газеты.

Так что работаю я теперь частным детективом и на недостаток заказов не жалуюсь. Народ в городе живет разный: кому неверного супруга или супругу уличить надо, кому выяснить, куда из магазина вещи пропадают, куда несовершеннолетний оболтус по вечерам бегает, не колется ли. Бывали случаи и покруче, с убийствами из мести, ревности. Одним словом, всего хватало. Тем и хороша моя работа, что никогда не знаешь, какого тебе клиента судьба пошлет, с чем на этот раз столкнешься. Услуги мои теперь стоят дорого, но без ложной скромности могу сказать, что они того стоят. Да, я люблю хорошо жить, но на честно заработанные деньги, не за всякую работу возьмусь, не со всяким клиентом свяжусь.

Однако я что-то разболталась, редко со мной такое случается. Чаще всего, когда я чем-то расстроена, как, например, сейчас из-за Власова.

Мыкола, который уже давно перешел из райотдела в информационно-аналитический центр областного управления милиции, или для краткости Управу, обрисовался с новостями в понедельник, 19 мая. Дело в том, что, проведя в свое время целый месяц на семинаре в Москве, он, благодаря своему общительному характеру, завязал там массу полезных знакомств, которыми, при необходимости, делился, в том числе и со мной. Были в моей практике несколько дел, когда его московские связи мне очень помогли. Но, как говорится, долг платежом страшен. Теперь же его московский знакомый попросил Николая найти в Баратове хорошего, честного детектива для одного очень солидного и серьезного клиента. Колька пообещал поискать. Вот он и позвонил узнать, насколько я загружена.

А я как раз только что закончила очень смешное и трогательное дело. Один армянин перевез из маленького родного городка в Баратов свою семью: жену, детей. Прожили они здесь несколько месяцев, и стал он замечать, что жена днем куда-то уходит и вообще ведет себя странно: вид усталый, взгляд тоскливый, и не ест ничего. Решил муж, что у жены любовник завелся, и попросил меня проследить, где же его жена днем бывает.

Оказалось, что она, насмотревшись телевизора и наслушавшись реклам, решила похудеть, а то муж ее, такую толстую, бросит. Накупила таблеток, села на диету, записалась в фитнес-центр на то время, когда дети в школе, а муж на работе. Хорошо хоть в солярий хватило ума не ходить.

Ну, я мужу и объяснила, что вид усталый, потому что на занятиях нагрузка для нее очень большая, не ест ничего, потому что на диете, а взгляд тоскливый, потому что постоянно очень кушать хочет, а главное – она его любит и потерять боится, и фотографии ее показала, где она степ-аэробикой занимается. Васька даже под кресло забился и испуганно оттуда выглядывал, когда армянин, взглянув на эти снимки, вскочил и минут десять, отчаянно жестикулируя, что-то очень громко мне говорил, правда, не по-русски, но общий смысл я поняла: «Манана, дэвочка, нэ порть фигуру, ыды домой». А через час привез мне пять бутылок «Наири» (это кроме оговоренного гонорара) и сказал, что лучшего коньяка на свете не бывает.

Так что я охотно согласилась взяться за новое дело, тем более для москвича. Расценки на нашу работу в столице значительно выше, чем в Баратове, и счет я собиралась выставять по московским меркам. Я уже говорила, что люблю хорошо жить.

Мыкола перезвонил мне через несколько минут и сказал, что завтра, 20-го мая, встретит клиента со второго московского рейса и привезет ко мне. И вообще, если в связи с этим делом мне потребуется его помощь, то он всегда – Николай тоже любит хорошо жить.

Уборка к приезду столичного гостя много времени не заняла. Главное – кошачью шерсть пылесосом собрать, чтобы клиент мог в нормальном, а не мохеровом костюме отсюда выйти. Васька же у меня КСП, как его Мыкола зовет, но это не контрольно-следовая полоса имеется в виду, а Кот Сибирский Пуховый, и знающие люди говорят, что если его вычесывать, то и на носки, и на варежки набрать можно, только мне этим заниматься лень, да и вязать я не умею. А от меня самой беспорядка немного – ведь для того, чтобы его создавать, в доме надо жить, а я здесь чаще всего только ночую. Правда, не всегда одна, ну да я, как говорят американцы, «белая, свободная, совершеннолетняя».

Рейс из Москвы прибывает в 12.10, полчаса на дорогу. Так что раньше полпервого визита ждать не приходится.

Я подошла к окну – оно как раз на мой подъезд выходит. Хотелось заранее увидеть клиента: я ведь так и не поняла, кто это, мужчина или женщина. Подъехала Колькина «копейка», и с водительского места вылез сам Мыкола, а с соседнего – высокий мужчина в темных очках, джинсах и легкой куртке, на голове кепка, в руках – маленькая мужская сумка. Было в нем что-то смутно знакомое, но я не успела понять, что именно. Они вошли в дом, а я надела большие дымчатые очки, которые с некоторых пор стали непременной частью моего

гардероба, и пошла в прихожую, чтобы сразу открыть дверь, когда они поднимутся. Васька – зверюшка любопытная, конечно же, впереди меня.

Следуя давно установившейся традиции, я, как всегда в начале нового дела, чтобы не спугнуть удачу, погладила свой талисман – висящий на отдельном крючочке подаренный мне Игорем на счастье брелок для ключей в виде маленькой фигурки молоденькой беленькой кокетливой козочки, которую я назвала Снежинкой – я ведь в год Козы родилась. И он действительно принес мне удачу, правда, только в работе. Да мне другой и не надо. Как же это больно, горько и несправедливо, что Игоря уже нет в живых! Но я по-прежнему ощущаю его тепло и доброту – ведь мы же видим свет далекой, давно погасшей звезды... Ее самой уже нет, а свет все идет и идет...

Я тряхнула головой, чтобы отогнать неуместные сейчас грустные воспоминания, привычно подхватила наострившего уши Ваську на руки, чтобы он не выскочил на площадку, и открыла дверь.

Остановился лифт, и первым вышел Егоров, а за ним... Я окаменела не хуже жены Лота, мелькнула идиотская мысль, что следующим моим клиентом будет премьер-министр России. И ничего удивительного – за Колькиной спиной стоял Власов. Тот самый. Он снял темные очки и поздоровался.

Оцепенение сходило с меня частями. Первым вернулся голос. Хотя и с трудом, но я смогла поздороваться и пригласила их проходить в квартиру, но Николай отказался:

– Александр Павлович, это Елена Васильевна Лукова, частный детектив, о котором вам говорил ваш друг. А я, с вашего позволения, откланяюсь и вернусь, чтобы отвезти вас в аэропорт.

С этими словами он вошел в лифт, который предусмотрительно задержал на этаже, и был таков. – Куда прикажете? – голос Власова вернул меня к действительности. – Проходите, пожалуйста... Куртку можно повесить вот сюда... Присаживайтесь, вот в этом кресле вам будет удобно... Здесь курят... – я растерялась. Да и кто бы не растерялся на моем месте? – Может быть, чай или кофе?

Власов смотрел на происходящее спокойно, давно привыкнув к тому впечатлению, которое производит на женщин:

– Нет, спасибо, Елена Васильевна, – остановил он меня. – У нас только четыре часа, а обсудить надо очень многое. Давайте перейдем к делу.

Но я, закрыв Ваську в кухне, чтобы не мешал, все еще не могла успокоиться и достала одну из подаренных накануне бутылок;

– А может быть, коньяк? – Мне так хотелось его хоть чем-нибудь угостить. Наверное, решив, что лучше согласиться, чтобы я перестала суетиться и пришла в себя, он сказал: – Не откажусь.

Я быстро достала фужеры и коробку конфет, а Власов открыл бутылку. Когда коньяк был налит и бокалы подняты, я спросила:

– За что мы выпьем?

– За то, чтобы вы смогли найти моих сыновей, – с этими словами он выпил коньяк и, достав из сумки конверт, протянул мне. – Прочитайте.

Ну, знаете! Это слишком даже для меня. Столько событий в один день «многовато будет»: сначала Власов собственной персоной, теперь известие о том, что у него сыновья есть. «Нет, если я переживу сегодняшний день, то буду долгожителем», – подумала я и совершенно машинально выпила коньяк, как воду, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, ни букета, и даже не закусил. Я взяла конверт и, прежде чем открыть его, достала сигарету – испытанное средство восстановить душевное равновесие. Власов тоже достал сигареты, дал прикурить мне, закурил сам.

И я внезапно полностью успокоилась. Не потому, что закурила, а потому, что началась работа, та самая, которая давала мне не только очень существенное материальное удовлетворение, но и моральное; которую я любила и умела делать.

Я другими глазами посмотрела на Власова. Как же его подкосила смерть дочери – потемневшее лицо, запавшие глаза, ввалившиеся щеки. Он сильно похудел, его роскошные волосы стали какими-то тусклыми. Хотя, если сравнить его с той фотографией с места аварии, то выглядел он, конечно, гораздо лучше. Может быть, заботами Екатерины Петровны, а может быть, дело в чем-то другом, например, в появившейся надежде, что еще не все потеряно для него в этом мире.

Ладно, возьмемся за письмо. Так. Конверт старого образца, адрес театра написан от руки, обратного адреса нет. Судя по штемпелю, письмо вынули из почтового ящика в Баратове вечером 6-го мая, а московский штамп от 14-го. Все правильно: сначала праздники, потом из-за отсутствия индекса письмо обрабатывали вручную. В конверте лежала фотография, которую я отложила на потом; само же письмо было написано от руки на листе бумаги для принтера.

«Уважаемый Александр Павлович!

Примите мои самые искренние соболезнования в связи с постигшей Вас утратой – трагической гибелью Вашей единственной и горячо любимой дочери. Горе Ваше неизбежно и потеря невозполнима, но, может быть, хотя бы слабым для Вас утешением послужит известие о том, что у Вас есть сыновья.

Мы с Вами встретились 17 января 1974 года, когда я, студентка первого курса Баратовского университета, приехала после зимней сессии погостить к своим московским родственникам. Я возвращалась вечером домой по Садовому кольцу. Вы остановили меня около театра Моссовета и предложили пойти вместе в театр, потому что девушка, которую Вы ждали, не пришла.

Я согласилась и позвонила дяде сказать, что задержусь. В тот вечер играли «Сирано де Бержерака». После спектакля мы немного погуляли по Горького, а потом Вы проводили меня до подъезда дома моего дяди в Воротниковском переулке. У Вас с собой была бутылка шампанского, потому что на тот вечер у Вас и Вашей девушки были какие-то свои планы, и Вы предложили распить ее, чтобы не тащить домой.

Мы поднялись в том же подъезде на самый верхний этаж. Пили шампанское из горлышка, целовались. Там все это и произошло. Когда мы прощались около квартиры моего дяди, Вы сказали: «Если нам судьба, то мы обязательно встретимся». Надеюсь, что по всем этим подробностям Вы меня вспомните.

У меня родились мальчики-близнецы. Сейчас они уже взрослые, и у них свои дети. На этой фотографии им столько же лет, сколько тогда было Вам. Я посылаю ее для того, чтобы Вы знали – Ваш след на земле остался.

Желаю Вам прежде всего мужества, ведь, несмотря ни на что, жизнь продолжается, а также всего самого доброго, светлого и радостного. Будьте счастливы».

Ни подписи, ни телефона, ни адреса. Я отложила письмо и взяла фотографию. Снимок был черно-белый, любительский, невысокого качества, сделан, видимо, на пляже. На фоне каких-то кустов на песке сидели три парня: похожие на Власова близнецы, на правой щеке одного была крупная черная родинка (если это только не дефект пленки), и несколько в стороне, боком к снимавшему, третий, чуть постарше. То ли он был с ними, то ли нет.

– Это правда, Александр Павлович?

– От первого до последнего слова. Самое ужасное то, что я не помню ни ее имени, ни дома, ни номера квартиры, около которой мы тогда простились. Поэтому искать в Москве совершенно бесполезно – ведь прошло столько лет. А что вы скажете о мальчиках? Я нашел свои старые фотографии и сравнил – просто одно лицо.

– Александр Павлович, постарайтесь вспомнить хоть что-нибудь об этой девушке. Может быть, она вам что-то рассказывала о себе, на каком факультете училась, на какой улице жила...

– Елена Васильевна, можно, я буду называть вас Лена, вы ведь мне в дочки годитесь. – При этих словах его голос дрогнул. Душевная рана еще не затянулась и кровоточила при малейшем прикосновении, – Вы думаете, я не пытался?.. Она, конечно, что-то рассказывала, но я в то время был настолько упоен собой, настолько горд тем, что учусь в театральном, что слышал только себя. Вы знаете, только придя домой я обнаружил, что был у нее первым.

– Ну, знаете... – изумленно протянула я. – Тому, что молоденькая провинциалочка поступила вот так, есть, на мой взгляд, только одно объяснение – как ни пошло это звучит, но это любовь с первого взгляда, чему я, в общем-то, не очень удивляюсь – я ведь помню вас в ваших первых фильмах. Театр – еще туда-сюда... Погуляли, выпили шампанского, тоже понять можно... Но отдаться впервые в жизни на лестничной площадке практически незнакомому человеку?! На это можно решиться только по любви! Ведь если бы она сделала это от легкомыслия, то не стала бы сохранять беременность. А то, что она, узнав о вашей трагедии, послала фотографию, говорит, я думаю, о том, что чувство это не угасло... – размышляла я вслух, а потом решительно сказала: – Вот что, Александр Павлович, мне нужно задать вам несколько вопросов довольно деликатного свойства, вы разрешите?

Власов недоуменно посмотрел на меня – она, мол, еще спрашивает. Несмотря на изможденный вид и запавшие глаза, взгляд его был по-прежнему необыкновенно выразителен. Но я уже не воспринимала его как известного артиста, для меня он был пусть и очень знаменитым, но клиентом, то есть человеком, который попал в трудное положение и обратился ко мне за помощью, собираясь за это хорошо заплатить. Он заказчик, я исполнитель, и лирика здесь неуместна.

– Александр Павлович, вы, конечно же, обратили внимание на то, что в письме нет ни подписи, ни адреса, ни телефона. Не значит ли это, что любовь – любовью, но с Вами, простите за откровенность, не хотят иметь дело? Мы их найдем, а они, предположим, даже встретиться с вами не захотят. Это во-первых. Во-вторых, мне хотелось бы знать, как к этим поискам относится госпожа Добрынина, судя по публикациям, человек вам далеко не посторонний. И в-третьих, прошу великодушно меня извинить, но и вы, и госпожа Добрынина находитесь в том возрасте, когда еще вполне возможно завести собственного ребенка.

И тут я стала свидетелем явления, по определению невозможного – Власов покраснел. Я проклинала себя на все лады – ну, какого черта я полезла со своими вопросами? Кто меня за язык тянул?

Власов немного помолчал и сказал:

– Лена, я очень хочу верить, что эта информация поможет расследованию. Вы производите впечатление серьезной деловой женщины, значит, она вам для чего-то нужна, поэтому я отвечу.

Он встал и стал ходить по комнате.

– Безусловно, это письмо было продиктовано, не смею надеяться, что сохранившейся на протяжении стольких лет любовью, но хотя бы простым чувством жалости ко мне, за что я безмерно благодарен этой женщине. Обнаружив, что беременна, она не стала искать меня, хотя это было очень просто сделать, и почти тридцать лет молчала. А ведь несомненное сходство меня и детей давало такой простор для комбинаций, что дух захватывает. Установление отцовства, экспертиза, анализ ДНК, суд... Нужно подчеркнуть, недостающее вписать самим. Написала же только теперь, и только для того, чтобы утешить. Я хотел бы встретиться и с ней, и со своими детьми. Как вы можете догадаться, я человек небедный, и даже если они не захотят поддерживать со мной отношения, то, может быть, согласятся, чтобы я им помогал, а со временем, кто знает, ситуация может измениться.

Власов остановился, чтобы закурить, и продолжал прохаживаться по комнате – он заметно нервничал:

– Далее. Екатерина Петровна, конечно же, в курсе происходящего и относится к этим поискам крайне отрицательно, считая их не только совершенно бесполезными, но и очень вредными для моего здоровья – ведь мои надежды могут и не оправдаться, а врачи категорически запретили мне волноваться. У нее никого нет, кроме меня, она круглая сирота, своих детей завести не успела – наукой занималась, и она была очень привязана к Настеньке. Кстати, вы знаете, что удивительно – Екатерина Петровна ведь тоже из Баратова. Словно сама судьба решила меня с вашим городом связать.

– Да, я знаю. Она ведь в своем интервью, что в «Сплетне» напечатали, говорила о своем первом муже, профессоре нашего мединститута Добрынине.

– Ах, да, верно, говорила, – вспомнил он. – Так вот, мы так ждали появления внука, но... Сами знаете, что произошло. Сейчас она самый близкий и дорогой для меня человек. Если бы не она, я не знаю, как бы я пережил все это. Но я считаю себя обязанным найти этих мальчиков. И, наконец, самый сложный вопрос.

При этих словах Власов остановился у окна спиной ко мне и стал что-то рассматривать во дворе. Видно было, что эта тема для него очень и очень неприятна. Потом неожиданно попросил:

– Извините, Лена, но не нальете ли вы мне немного коньяка.

О Господи, за всеми этими разговорами я совершенно забыла о нем! – Конечно, Александр Павлович. Простите, что не предложила сама, – я налила в его бокал коньяк и поставила на подоконник рядом с ним. Он взял его, не оборачиваясь, и немного отпил. – Спасибо, Лена. Прекрасный коньяк, не ожидал, что в Баратове можно такой найти. – Видимо, он собрался с духом, потому что повернулся, подошел и сел в кресло. – Дело в том, что я не могу иметь детей. История эта давняя, не совсем красивая, но что было, то было. Лена, я не хочу казаться лучше, чем я есть на самом деле. Ни для кого не секрет, что женщинами я был избалован всегда. В общем, дело было так.

История, которую рассказал Власов, была стара, как мир. Настя как раз пошла в первый класс, когда у них в театре появилась новая молоденькая актриса. Это сейчас ее имя у всех на слуху, а тогда она только начинала свою карьеру, которая, сами знаете, как у них в театральном мире делается.

Власов снова закурил и продолжил:

– К главрежу ей было не подступиться – он нашей тогдашней примой был оккупирован, а я был в моде, и со мной считались. Завязался страстный роман со свиданиями после спектакля в гримборных, в машине на заднем сиденье и так далее. Через некоторое время она мне заявила, что беременна, и я должен оставить семью, чтобы жениться на ней, хотя я ее заранее предупреждал, что разводиться не собираюсь. Я предложил организовать аборт, но она отказалась и продолжала меня преследовать. Власов поднялся, засунул руки в карманы джинсов и, пожав плечами, сказал с абсолютно непередаваемой интонацией:

– Что вы хотите? Женщины...

И он снова принялся ходить от окна к двери и обратно.

– Честно говоря, я не особенно верил в то, что она сохранит беременность – глупо начинать свою карьеру в театре с декретного отпуска. Однажды днем, когда я был на репетиции, она пришла выяснять отношения ко мне домой. Произошел безобразный скандал, у Настеньки, которая оказалась его свидетелем, случилась истерика, ее долго не могли успокоить. Кончилось тем, что меня выгнали из дома. Но это бы еще ничего. Главное то, что Настенька отказалась со мной встречаться, она даже по телефону не хотела со мной разговаривать. И вот, чтобы раз и навсегда избавить себя и свою семью от подобных инцидентов – я и в мыслях не держал, что когда-нибудь разведусь с Ольгой – я... Не буду обременять вас

медицинскими терминами. Короче, я сделал операцию, которая, никак не влияя на потенцию, лишила меня возможности иметь детей. На-всег-да! – и он горько улыбнулся:

– Самое смешное в том, что, когда вышеуказанная дама все-таки родила и попыталась повесить на меня отцовство, оказалось, что я не имею к этому ребенку никакого отношения. История наделала много шума. Состоялось мое примирение с женой. Настенька плакала и просила у меня прощения за то, что зря меня обидела. Так вот, пока она была жива, я ни на секунду не пожалел о том, что я сделал. А теперь уже ничего изменить нельзя.

– А Добрынина знает об этом?

– Конечно. Теперь вы понимаете, как для меня важно найти своих сыновей. Скажите, что еще вам необходимо для работы? Какая-то информация, техника?

– Александр Павлович, давайте решать проблемы по мере их возникновения. Пока я вижу несколько путей поиска, но все они ведут в архивы. Оставьте мне письмо и фотографию, вы ведь сделали для себя копии? И возьмите мою визитку. Если в ваших планах произойдут какие-то изменения или вы узнаете что-то новое, сообщите мне немедленно. Как я смогу с вами связаться в случае необходимости?

– Лена, вот моя визитная карточка, здесь все мои координаты, электронная почта, сотовый телефон, домашний, рабочий, адрес. Связывайтесь со мной в любое время и, пожалуйста, информируйте обо всем, что узнаете. Здесь деньги на расходы, – он протянул мне солидную пачку долларов, – это, как вы понимаете, только аванс. Если закончатся, я переведу еще. Поймите, Лена, для меня жизненно необходимо найти своих детей.

– Александр Павлович, а почему вы сказали: «Если нам судьба...»? – эти слова напоминали мне самой слишком многое.

– А потому что я верю в судьбу, в то, что все предопределено в этом мире, – уверенно сказал Власов.

– Знаете, Александр Павлович, а я тоже в судьбу верю.

Приехавший за ним Егоров бросил такой выразительный взгляд на коньяк, что я поняла – от его визита мне не отвертеться. Может быть, и к лучшему. После разговора с Власовым на душе было тяжело, и возможность потрепаться за жизнь со старым другом была совсем не лишней. К тому же я предполагала, что Колькина помощь мне очень даже понадобится. Потому что копаться в архивах самой или получить готовые материалы по милицейскому запросу – две большие разницы.

Как я уже говорила Власову, направления поиска были ясны. Если встреча произошла 17 января 1974 года, то мальчики могли родиться где-то в октябре, а могли и в августе, если семимесячные. Говорят, с близнецами это бывает. Но здесь возникали нешуточные сложности. Если девушка родила без мужа, то в свидетельстве о рождении в графе «Отец» будет прочерк – это самый простой вариант. Но она могла срочно выйти замуж, или ее родители могли записать детей на себя, чтобы не портить ей жизнь. Такие случаи бывали, точно известно. Как бы там ни было, необходимо начинать с областного архива ЗАГС. Во-первых, близнецы не настолько часто рождаются, а во-вторых, время рождения известно: август-октябрь 1974 года.

Черт, как же я сразу не подумала, ведь она могла приехать учиться в Баратов из другого города, уехать рожать туда и там же оставить детей у своих родителей, но это если она рожала в августе. А если в октябре, то она должна была оформлять академический отпуск, значит прибавляется архив университета.

Да, без Кольки мне не обойтись. А вот и он материализовался – легок на помине. – Колись, Елена, – с порога начал он, – что за дела у тебя со всенародно любимым? – И полез за чистым фужером.

Не вдаваясь в подробности, я объяснила, что Власов ищет двух мужчин-близнецов, 1974 года рождения, предположительно рожденных в Баратове, и мне потребуется его, Колькина, помощь – нужно направить запрос в областной архив ЗАГС.

Мыкола поморщился:

– Запрос не получится. У нас очередная кампания по борьбе «за чистоту рядов», и все запросы нужно подписывать у руководства. Могу попробовать договориться с директрисой частным порядком, а там сама решай – или будешь в архиве сидеть, а они тебе папочки подтаскивать, или плати деньги, и они тебе сами все найдут. А что за мужики, может, приходилось встречать? Фотку-то покажи.

Я протянула ему фотографию и пошла готовить кофе. Васька, смертельно оскорбленный тем, что его лишили любимого развлечения – потереться о ноги гостя, оставив на его брюках половину своего пуха – лежал, отвернувшись, в старом, стоящем в углу около батареи кресле и никак на меня не прореагировал.

Колька влетел на кухню с криком:

– Куда ты лезешь, дура?! Приключений захотелось?!

Испуганный Васька, подпрыгнув на месте, соскочил на пол и спрятался под кресло, а я чуть кофемолку из рук не выпустила: таким я Николая никогда в жизни не видела. Да и «дурой» он не называл меня даже тогда, когда я бодалась с начальником райотдела – он просто постучал меня по лбу костяшками пальцев и сказал: «Не будет с тебя толку». Сейчас же он готов был меня если не убить, то ударить точно.

– Коля, – я старалась говорить спокойно. – Если ты мне объяснишь, куда я лезу, то я, может быть, и соглашусь с тобой, что я дура и ищу приключений на свою пятую точку. А пока помоги мне намолоть кофе и, если тебе так уж не терпится, то можешь начать просвещать меня прямо сейчас, я не возражаю. И, пожалуйста, не пугай животное.

Мыкола ткнул пальцем в того третьего парня на фотографии и спросил: – Ты, что, его не узнала?

Честно говоря, я пока к нему особо и не приглядывалась – не его же мне предстояло искать, поэтому я просто пожала плечами.

Колька посмотрел на меня с жалостью, как на убогонькую, и скучным голосом сказал: – Вообще-то, это Матвей, не к ночи будь помянут.

Мне стало уже не до кофе. Захотелось взять что-нибудь тяжелое и грохнуть об пол или об стену, заорать, затопать ногами, напиться, в конце концов. Ну, сколько же можно наваливать на меня в один день? Как там сказали в день смерти Ивану Грозному? «Еще не вечер». Точно. Днем я думала, что лимит неожиданностей на сегодня исчерпан, а оказалось, что судьба приготовила мне очень симпатичный сюрприз под занавес.

Я взяла в руки фотографию и внимательно всмотрелась, но не смогла узнать в этом парне Матвея, иначе говоря, Павла Андреевича Матвеева, самого богатого человека в нашей, не самой маленькой в России, области. Как там в детском стишке? «Владелец заводов, газет, пароходов»... Так это все о нем. Ему принадлежала производственно-коммерческая фирма «Матвеев», занимавшаяся всем, чем только возможно.

– Ты уверен? – с сомнением в голосе спросила я. Как же мне хотелось, чтобы Колька ошибся! – Я, Ленка, мент. А вот ты, подруга, нюх подрастеряла! – укоризненно покачал головой Николай. – Матвей это. Точно он. Можешь не сомневаться.

– Спасибо, родимый! – с поклоном сказала я. – Премного ты меня утешил и обнадежил! Ну и что мне теперь делать?

Плюнув на кофе, мы с Мыколой вернулись в комнату и «присоседились» к коньяку – стало легче, а потом значительно легче. Мы тщательно изучили снимок, но так и не смогли определить, сидит ли Матвей вместе с близнецами или отдельно.

– Коля, – попросила я, – Расскажи мне о Матвее. Личность он загадочная, точно о нем ничего не известно, а может, не так страшен черт, как его малюют. Я ведь сужу о нем по слухам, а вдруг он окажется, как Васька, ласковый и с бантиком.

Услышав свое имя, Василис тут же появился в комнате и, поняв, что гроза миновала, забрался ко мне на колени. А Николай, готовясь к поистине эпическому повествованию, устроился со всем возможным комфортом: залез с ногами в мое любимое кресло, придвинул к себе пепельницу и коньяк, выпил, закурил и:

– Ленка, ты девочка большенькая, должна понимать, то, что тебе расскажу... – Ага, не для широкой публики...

– Ну, так внимай. В этом году – выборы в Госдуму, сама знаешь. Вот Управу и попросили проверить Матвея – вдруг он вздумает баллотироваться. А поскольку личность он своеобразная и деятельность у него многогранная, задания раскидали по разным отделам. Дали-то их на планерке, но почти тут же отменили. Мне секретарша начальника по секрету сказала, что только все разошлись, как генералу позвонил Матвеев и говорит: мол, криминальная обстановка в городе такова, что не позволяет отвлекать ценные кадры на заведомо бесполезное занятие, поэтому он просит передать заинтересованным лицам, что он не собирается участвовать ни в выборах в Госдуму, ни в выборах губернатора. Ты чувствуешь?

Судя по тому, что рассказывал Мыкола, личность Матвея вырастала до каких-то былинных размеров. До 91-го года он, организовав бригаду шабашников, ездил по деревням и ремонтировал или строил, где что придется. А уж когда Союз распался, наступило для Матвея и его ребят золотое время. Они за бесценок скупали бесхозные брошенные жилые дома в деревнях и, отремонтировав, переселяли туда русских из так называемого ближнего зарубежья, где в то время начался такой «парад суверенитетов», что русские готовы были бежать оттуда пешком, бросив все нажитое, лишь бы живыми остаться.

Работали ребята не бесплатно, конечно, но с совестью дружили, так что врагов не нажили и проклятий на свою голову не заработали. Дальше – больше. Фирма разрасталась. Чтобы перевозить людей, требовались машины, Матвей организовал транспортное агентство. Скоро к Матвею районные руководители в очередь стояли, кому нужны были врачи, кому агрономы, кому ветеринары. А у него к тому времени уже был банк данных на тех русских, кто хотел в Россию вернуться, вот он и заключал договоры на ремонт домов для переселенцев, его люди там работали, его же и перевозили.

Вершиной этой его деятельности было переселение казаков из Казахстана в нашу область. Матвей к ним лично неоднократно ездил и убедил, что защита российско-казахстанской границы со стороны России – исконно казачье дело. Привез их представителей в заброшенные приграничные села, вместе с ними распланировал новые станицы, где что строить, да как. Церкви восстановил, чтобы было перед кем казаку шапку снимать. И опять же там работали его люди. За это был Матвей посвящен в казаки, да и от церкви орден получил.

Матвей не лез в политику, не давал интервью, не старался понравиться журналистам, не мелькал на телеэкране, он просто работал, зарабатывал деньги и помогал тем, кому сам считал нужным, а не тем, кого модно спонсировать. На конкурсы красоты, гастроли супермодных артистов и тому подобное не давал ни копейки. Но зато на детские дома, Дома престарелых, Дома ребенка жертвовал не то, чтобы щедро, но постоянно, и не деньгами, а продуктами, вещами, и очень тщательно все контролировал: не дай Бог кто-то из obsługi что-то себе возьмет. Книжки, игрушки для детей покупал, а на Новый год обязательно вывозил всех их на елки в театр или цирк.

Да, по словам Николая, Матвей был личностью незаурядной, но ничего устрашающего я пока не слышала.

– Это, Ленка, видимая часть айсберга. Главное – в другом. У Матвея среди всего прочего есть агентство по трудоустройству освободившихся заключенных. Раньше, ну при Советах, ведь как было. Вышел человек на свободу, а податься ему некуда – ни дома, ни родных. Но если он твердо решил завязать, то шансы у него были: дворником, например. Дадут какую-нибудь комнатуху под лестницей, а это и крыша над головой, и прописка, а значит, и паспорт; или на завод, хоть учеником каким-нибудь, тут, соответственно, общежитие и опять-таки прописка и паспорт. А сейчас ему приткнуться некуда, он и сам, зачастую, хочет на зону вернуться. Предположим, отсидел он пятерик, родные от него отказались, квартиры нет. Вышел он, а жизнь за это время так изменилась, что он уже и не поймет, в какой стране находится. Вот он и мечтает в колонию вернуться, потому что там все понятно и привычно.

– Знаешь, Коля, я в этом пока ничего плохого не вижу.

– Объясняю. Об этом его агентстве во всех колониях знают. Многие, как освободятся, так сразу сюда едут, а Матвей с каждым отдельно разговаривает и столько, сколько надо. Надо человеку выговориться, так он на него два часа потратит, все выяснит, что человек умеет, что хочет, чем дышит. И каждому, заметь, каждому, кто твердо решил завязать, он находит занятие. Он бывшее общежитие механического завода выкупил, отремонтировал. Так он человека на работу принимает и в этом общежитии прописывает, с паспортом помогает. А как человек в себя придет, акклиматизируется, он его в какую-нибудь строительную бригаду определит или еще куда. Он человеку жизнь дарит, понимаешь? Он! Не президент с губернатором, не власти какие-то, а он! Лично! И человек для него сделает все! Матвей для него Бог, царь и воинский начальник, папа и мама в одном лице! Вот что страшно. У него армия, настоящая армия беззаветно преданных лично ему людей. Поэтому очень и очень серьезные люди никогда не становятся у него на пути.

– И что, он замешан в каком-то криминале?

– Ленка, пойми, наконец, – он лично никогда и ни в чем не будет замешан. Теперь ты понимаешь, почему я на тебя заорал?

– Коля, давай прикинем. На этой фотографии близнецам столько лет, сколько было Власову в 1974 году. Так, он 53-го года, значит 21. Таким образом, фотография сделана в 95-м. Что собой в это время представлял Матвей? Средней руки предприниматель. Мог он в какой-то компании с этими ребятами столкнуться? Мог. А запомнить их он мог? Да запросто, не каждый же день с близнецами знакомишься, да еще если они на известного артиста похожи. А теперь скажи мне, что страшного в том, что я зайду в офис Матвея и спрошу его, не знает ли он этих людей? Тем более, я совершенно не уверена, что они были вместе.

– Ленка, тебя не переубедишь. Ладно, завтра утречком позвоню-ка я в архив и договорюсь, чтобы тебя там по-родственному встретили. Пойду я, а ты хлопни, как следует, коньячку да ложись спать. Денек у тебя выдался – врагу не пожелаю. Пока.

– Целую, Муся! – сказала я ему вслед свою обычную в таких случаях фразу и, закрывая дверь, подумала: «Спасибо тебе, Мыкола, что ты у меня есть».

Глава 2

Коньяк был действительно качественным, потому что чувствовала я себя утром прекрасно, несмотря на солидное количество выпитого. Чашка крепкого кофе и первая за день сигарета привели меня в рабочее состояние, и я в ожидании Колькиного звонка стала планировать, что мне надо сделать, попутно наблюдая, как Васька, засунув голову в консервную банку из-под только что съеденных им рыбных фрикаделек, гоняет ее по полу кухни, выбирая последние капельки оставшегося там томатного соуса. Следующие полчаса у него уйдут на то, чтобы, умываясь, убрать с мордочки и усов последствия своего гурманства.

Архив само собой, размышляла я, но надо бы договориться о встрече с Матвеем. Узнав через «09» телефон его офиса, я позвонила и, вопреки ожиданиям, услышала в трубке не щебечущий девичий голосочек, а мужской. Я представилась и объяснила, что мне очень нужно встретиться с господином Матвеевым буквально на пять минут, чтобы выяснить один маленький вопрос, не имеющий к нему самому никакого отношения, и после недолгого молчания мне было назначено время. Меня попросили подойти к 9.45, предупредив, что в моем распоряжении будет действительно только пять минут. Времени оставалось немного, и я решила не дожидаться Колькиного звонка. Проверила сумку – ключи от дома и машины, паспорт, лицензия частного детектива, косметичка, сотовый, кошелек, записная книжка, в уже другом конверте фотография – и вышла из дома.

По опыту я знаю, что лучше приехать немного раньше назначенного времени, чтобы оглядеться, попробовать поболтать с секретаршей и, как бы невзначай, выяснить что-нибудь интересное, что потом может пригодиться, про запас, так сказать.

Офис Матвея находится в очень красивом двухэтажном особняке на тихой улочке недалеко от центра. Когда-то его выстроил для своей семьи известный баратовский архитектор, и табличка на здании гласит, что это охраняемый государством памятник архитектуры. Правда, чего в нем раньше только не было: и коммуналки, и различные конторы, и даже какое-то управление нашего разбухающего, как на дрожжах, областного правительства. Теперь же, тщательно отреставрированный, он производил бы впечатление маленького сказочного дворца, если бы не спутниковые антенны на крыше и самые современные средства охраны: наружные камеры слежения, сигнализация на окнах и многие другие приспособления, о предназначении которых можно только догадываться.

Внутри охранник у входной двери проверил мои документы, сверился со списком и сказал, что я пришла раньше назначенного времени. Ни мои попытки объяснить, что, мол, вдруг господин Матвеев освободится немного раньше, ни умоляющие взгляды не произвели ни малейшего впечатления. Мне очень вежливо предложили посидеть в кресле и почитать свежие газеты – меня пригласят.

Сначала я удивилась, что он не поинтересовался, есть ли у меня оружие, но потом поняла, что входная дверь оборудована специальными датчиками, и ему нет необходимости о чем-то кого-то спрашивать, он и так все видит. Мне оставалось только действительно листать прессу и тихо беситься еще десять минут, проклиная свою самонадеянность.

Ровно в 9.44 ко мне подошел молодой прихрамывающий мужчина и, узнав мое имя, предложил пройти наверх. Шли мы быстро, и осмотреться по сторонам у меня не было никакой возможности, что, как легко можно понять, настроение мне не улучшило – уж очень хотелось рассмотреть, что и как в офисе легендарного Матвея. Как ни быстро мы прошли приемную, но то, что никаких коротких юбок, длинных ног и распущенных волос там не было, я заметить успела: за столом сидел молодой мужчина и работал на компьютере. Мой спутник открыл передо мной дверь и, представив меня, вышел.

В жизни внешность Матвея отличалась от газетных фотографий, как небо от земли. Около окна стоял смуглый, высокий, с прекрасной фигурой и, видимо, физически очень сильный человек. Его густые черные волосы чуть-чуть серебрились на висках, а большие синие глаза под сросшимися над переносицей черными бровями вразлет просто притягивали взгляд. Единственное, что его портило – это горбинка на носу, явно искусственного происхождения, заработанная в драке или в результате несчастного случая. Но не это главное. От него исходило излучение колоссальной мощи, уверенности в себе и, как результат этого, невозмутимого спокойствия.

Он сделал приглашающий жест рукой в сторону стула, и в этот момент зазвонил телефон. Прямой, отметила про себя я, все деловые звонки, по идее, должны проходить через секретаря, а тот знает, что Матвей занят. Дисциплина здесь просто железная, самостоятельность не поощряется.

Матвей взял трубку:

– Да... Купил... Конечно, купил... Нет, не забыл и не потерял... А что случилось?... Это еще зачем!?! Бабуля, переключи меня на нее... Сначала нажми зеленую кнопку, а потом красную... Мамуля, у меня к тебе большая просьба, пообещай, что выполнишь... Ты твердо обещаешь?... Точно?... Тогда я тебя очень прошу, прекрати хулиганить, слезь с подоконника и оставь окна в покое. В доме не протолкнуться от прислуги, а тебе вздумалось окна мыть... Никто не наядбедничал, просто я высоко сижу, далеко гляжу и все вижу... Заболеешь, отдам в больницу... И зря не веришь! И вообще, кто в стае вожак?... То-то же! Мамуля, я там несколько новых фильмов привез. Я тебя очень прошу, сядь в кресло, положи ручки на колени и смотри кино, договорились?... Вот и хорошо. Целую тебя, родная, будь умницей и не шали. До вечера.

Все время, пока Матвей говорил, я находилась в шоковом состоянии. В его голосе было столько нежности и любви, он с таким удовольствием произносил слова «бабуля», «мамуля». Это настолько выламывалось из создавшегося в моем воображении образа, что захотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли это, или потрясти головой, чтобы отогнать наваждение.

Матвей положил трубку и поднял на меня глаза – я тут же очнулась. Спокойный холодный властный взгляд синих глаз, невозмутимый голос:

– Я слушаю вас, Елена Васильевна.

Он подождал, пока я сяду, и потом сам опустился в кресло за своим рабочим столом. – Павел Андреевич, я не отниму у вас много времени. Посмотрите, пожалуйста, вы здесь никого не узнаете?

Я специально села на стоящий слева стул, потому что увидела на столе Матвея рамку с чьей-то фотографией, и мне очень хотелось посмотреть, кто на ней. Перегибаясь через стол, чтобы протянуть конверт, я смогла бы это сделать – бабское любопытство, уж никак не профессиональное. Мне это удалось: на снимке была немолодая светловолосая женщина, которая сидела в кресле на фоне горящего камина. Наверное, мать, подумала я.

Матвей посмотрел фотографию и сказал:

– Это я, но трудно сказать в каком году это было. Что еще вас интересует? – его голос совершенно ничего не выражал.

Я быстро уточнила:

– Это снимок 95-го года. Я хотела узнать у вас, не знакомы ли вы с этими близнецами. Конечно, прошло достаточно много времени, но, может быть, вы их помните? Меня интересует, где я могу их найти.

– Кого-то они мне напоминают, но не пойму кого, – Матвей продолжал рассматривать снимок. Я обратила внимание на старинную, причудливой формы печатку на безымянном пальце его левой руки – серебристый выпуклый узор на черном фоне. Судя по виду, она

была сделана из какого-то обыкновенного металла. Странно, подумала я, при его деньгах он мог бы себе позволить любую, хоть из цельного алмаза выточенную.

– Павел Андреевич, они очень похожи на артиста Александра Власова. – Вы правы, действительно похожи, но, к сожалению, ничем не смогу вам помочь, – он вложил фотографию в конверт и протянул мне, невозмутимый равнодушный голос, безразличный взгляд темно-серых глаз.

Все ясно. Аудиенция окончена. Визитеров любезно просят выйти вон. Я поблагодарила Матвея, распрощалась и вышла в приемную. Меня тут же, можно сказать, отконвоировали вниз, поэтому я снова ничего не смогла рассмотреть, хотя очень хотелось. Я отъехала пару кварталов и остановилась, чтобы покурить и осмыслить наш разговор. Я сидела и вспоминала, как он разговаривал с бабушкой и матерью. Да, оказывается, есть люди, перед которыми такой лев падает на спину и, подставляя живот, просит, чтобы его почесали, мурлыча от удовольствия.

Интересно, женат он или нет. Наверное, нет, тогда бы на столе стояла фотография жены и детей, сейчас это модно. Хотя сомнительно. Ведь для такого человека, как он, понятие моды не существует. Странно, но я совершенно не обратила внимание, во что он одет, обычно я замечаю такие вещи, ведь по одежде можно узнать о человеке гораздо больше, чем он захочет о себе рассказать.

Я позвонила Коле узнать насчет архива. Он обо всем договорился и велел обратиться к директору Светлане Николаевне от его имени.

Относительно недавно выстроенное здание областного архива ЗАГС снаружи смотрелось довольно пристойно, но изнутри производило очень тягостное впечатление. Жуткого зеленого цвета масляная краска, которой, наверное, еще при строительстве были выкрашены стены, местами отлетела. Линолеум был протерт до дыр и пестрел разноцветными заплатками. В коридоре вдоль стен стояли друг на друге какие-то коробки и ящики с болтающимися на них картонками, оставляя для прохода узенькую щель, в которой два человека смогли бы разойтись только боком и выдохнув.

Я с состраданием смотрела на попадавшихся мне по пути к директорскому кабинету женщин, ведь они проводили в этом кошмаре большую часть жизни. Мало того, что они были одеты в безобразные темно-синие рабочие халаты, способные изуродовать самую стройную фигуру, так еще этот ужасный свет частично перегоревших закрепленных на потолке люминесцентных ламп придавал их лицам совершенно противоестественный оттенок. Представляю, с какой тоской они идут по утрам на работу.

Светлана Николаевна оказалась пожилой седой женщиной. По внешнему виду она никак не походила на матерую канцелярскую крысу, а скорее напоминала очень уютную белую мышку, которая всю свою жизнь провела между стеллажами, и ее совершенно не коснулись произошедшие за стенами архива перемены. Может быть, поэтому ее глаза сохранили такое детское, радостное, немного наивное выражение. Она встретила меня очень приветливо:

– Здравствуйте, Елена Васильевна, присаживайтесь. Меня предупредили, что вам наша помощь потребуется. Какая же интересная у вас работа! А вы знаете, нам ведь тоже приходится иногда проводить целые расследования. Порой такие интересные запросы попадают. Сейчас стало модно свою родословную знать. Раньше ведь как было, знали деда с бабушкой, в лучшем случае, прадеда. Теперь же хотят знать всех поименно, где жили, чем занимались. Наверное, это хорошо, что люди стали историей своего рода интересоваться, как вы думаете? Одно время все больше поступали просьбы подтвердить немецкое или еврейское происхождение, ну это для выезда на историческую, так сказать, родину. Откуда только письма не приходили! Очень много из Сибири было, с Севера, из Казахстана, куда немцев в войну высылали. А сейчас другая мода пошла. Вот, например...

Нет, пора было остановить симпатичную старушку, а то она меня просто заговорит. – Светлана Николаевна, в моем случае, я думаю, особых сложностей не предвидится, не такое уж это далекое прошлое.

– Да-да, конечно, – видно было, что ей не хотелось слезать со своего любимого конька, но, вспомнив, что я пришла все-таки по делу, она вызвала в кабинет молоденькую девушку Иру и препоручила меня ее заботам.

Я объяснила Ире, что мне нужно посмотреть журналы регистрации свидетельств о рождении за 1974 год по всем районам нашего города. Ира понятно закивала, рассматривая меня с нескрываемым любопытством, видимо, слухи о моей профессиональной принадлежности уже успели широко распространиться по всему зданию. Не удивлюсь, если чуть позже любопытствующие будут приходить посмотреть на меня, как на редкий музейный экспонат.

– Пойдемте, я проведу вас в зал, где вам будет удобно работать, – предложила Ира. Комната, громко именуемая залом, напомнила мне своим видом сельсовет времен первых пятилеток: лампы под железными колпаками стояли на страдающих сильной кривоногостью столах, чьи столешницы были деревянными только по краям, а середина покрыта где сукном когда-то зеленого цвета, где дерматином. Стулья заслуживали особого внимания: судя по виду, садиться на них нужно было с соблюдением особого ритуала, известного только посвященным. Мало того, что они были очевидно шаткие, складывалось впечатление, что кто-то специально, старательно, потратив на это немало времени, делал на них ножом зазубрины, исключая любую возможность встать с них в целых колготках и без затяжек на юбке. Будь ты трижды «Omsa» и четырежды «SiSi», против наших родных стульев тебе ни в жизнь не устоять!

Спасительница Ирочка дала мне рабочий халат, каких я здесь уже насмотрелась (я обречено его надела – без него здесь действительно было не обойтись), и ушла за документами. Она принесла нужные нам журналы – их оказалось неожиданно много, и мы сели за работу. Ирочка сказала, что по ее опыту за один день можно управиться.

Записи попадались самые разные: аккуратные, сделанные хорошим почерком, и жуткие нечитабельные закорючки с массой исправлений и последующим исправлением исправленного. Когда у меня в глазах от напряжения уже начали чертики плясать, я решила сделать перекур, а Ирочка, якобы, желая показать мне место для курения, пошла вместе со мной. Я прекрасно понимала, что ей просто хочется поболтать – ведь коллеги теперь ее вопросами замучат – не каждый же день к ним в архив живые частные детективы заходят.

– Елена Васильевна, только вы не смейтесь, пожалуйста, а вам стрелять приходилось? – в ее широко открытых глазах было столько восторженного интереса, ну, дитя дитем.

– И неоднократно, Ирочка, – улыбаясь, ответила я. – Правда, в основном в тире, я ведь раньше следователем в милиции служила. Только мне и тогда, и сейчас как-то все больше головой приходится работать.

– А рассказать вы что-нибудь можете? – старательно скрывая разочарование, спросила она. – Ну, из того, что уже не тайна...

Я, вкратце, не называя, конечно, ничьих имен, рассказала ей историю с похудением, совершенно по нашим временам типичную.

Ирочка огорченно вздохнула. Видимо, она рассчитывала на что-то вроде: «Темной ночью, когда молнии пронзали черное предгрозовое небо, отважная частная сыщица Елена Лукова преследовала убежавшего преступника, имевшего на своей совести не одну загубленную жизнь...», или как там пишут в современных детektивах.

– Ирочка, если ты хочешь послушать леденящие душу истории, то это не ко мне. Ну, не принято у нас о своих делах рассказывать. Получила заказ, провела расследование, доложила клиенту и расстались. Скажи-ка мне лучше, как ты в архив работать попала.

Оказалось, что Ира с детства зачитывалась историческими романами Яна, Балашова, Пикуля и просто влюбилась в русскую историю. Ей доставляло истинное удовольствие стараться понять, почему события развивались именно так, а не иначе; что в общепринятой истории России сфальсифицировано, а что было на самом деле. Она и на исторический факультет именно поэтому поступила, правда, только на вечерний, потому что работать надо, а то маме одной трудно.

Извинившись перед милой девочкой за бестактность, я спросила, сколько она получает. И, услышав ответ, пришла в ужас. Такую сумму я оставляю два раза в месяц в дамском салоне своему мастеру. Да этих денег на питание на целый месяц не хватит, не говоря уже ни о чем другом. А ей и одеться надо, и выглядеть прилично.

Я внимательно присмотрелась к ней: густые длинные волосы совершенно натурального пепельного, уж в этом-то я разбираюсь, цвета были стянуты на затылке простой черной аптечной резинкой, большие и ясные серые глаза еще не потеряли наивного и доверчивого выражения, прекрасный цвет лица, которое пока не нуждалось ни в каких кремах, и симпатичные ямочки на щеках, появлявшиеся, когда она улыбалась. Да она просто красавица! Если снять с нее этот дурацкий халат, одеть во что-нибудь более приличное, причесать, то смело можно выпускать на подиум. Хотя для модели она низковата, не более метра шестидесяти пяти ростом.

– Ирочка, а почему бы тебе не поискать другую работу, ведь, прости за грубость, за гроши же работаешь?

Она очень удивилась:

– Да ведь мне интересно. Денег, конечно, не хватает, но, по-моему, лучше, чтобы работа была интересная, чем денежная, но скучная. Вы ведь тоже не стали бы заниматься своей работой только из-за денег, если бы вам было совсем уж неинтересно? Да и не получилось бы у вас ничего, если бы без желания, правда ведь?

Я поспешила согласиться с Ирочкой. Ребенок, со временем ты поймешь, что некоторые люди очень легко поступаются своими интересами ради денег, да и не только интересами, и, зачастую, не только своими.

Даже в четыре руки мы копались в бумагах до самого вечера. В конце концов у нас получилось девять пар мальчиков-близнецов, родившихся в Баратове в августе-октябре 1974 года, причем все они имели обоих родителей. Теперь предстояло через адресное бюро выяснять, кто где теперь живет.

С трудом уговорив Иру взять деньги (она совершенно искренне отбивалась, говоря, что это ее работа, взяв, ужаснулась, что их так много), я вышла на улицу и только здесь поняла, каким же затхлым воздухом я дышала весь день. Застоявшиеся запахи пыли, плесени и старых бумаг составили в результате смесь, пригодную для использования в военных целях для проведения газовых атак. У меня было ощущение, что не только моя одежда и волосы, но и я сама пропиталась им насквозь.

Я поехала домой, налила ванну, добавила в воду пену с ароматом цветущего лимона и с наслаждением туда забралась. Васька, как обычно, устроился на стиральной машине в ожидании того, когда я вытащу пробку, и вода начнет, к его изумлению, совершенно непонятно куда исчезать. В эти минуты он, ужасно волнуясь, то спрыгивал на пол и заглядывал под ванну, то снова залезал на стиральную машину или раковину, постоянно недоуменно на меня оборачиваясь, чем необыкновенно меня веселил. Но до этого момента было еще далеко, и я по привычке взялась анализировать прошедший день. Личность Матвея необыкновенно заинтересовала меня, если не сказать заинтриговала. Я восстанавливала в памяти всю нашу встречу – как он разговаривал с родными, со мной, как он двигался, смотрел. И постепенно пришла к выводу: что-то здесь не так, что-то не стыкуется.

Начала снова прокручивать в памяти все события вплоть до самых, казалось бы, незначительных. Вот оно! Я поняла – глаза. Когда он разговаривал по телефону и я его рассматривала, то обратила внимание, какие у него большие синие глаза, а когда он, возвращая фотографию, посмотрел на меня, то глаза у него были темно-серые. Спрашивается, почему? С чего бы вдруг его глаза изменили цвет? А отчего, вообще, глаза цвет меняют? Говорят, это зависит от освещения, настроения. Так, освещение не менялось, это отпадает. Значит, изменилось настроение.

Наш разговор продолжался не более двух минут. Брал он фотографию – глаза были синие, возвращал – темно-серые. Почему? Ответ напрашивается только один – он знает этих близнецов, но по каким-то причинам не хочет об этом говорить. А поскольку он не из тех людей, которые меняют свои решения, то разгадку мне придется искать самой.

Я вылезла из ванны, выдала Васке очередную порцию теперь уже кошачьих консервов и уселась в кресло с кофе и сигаретой – есть совершенно не хотелось.

Кто может мне помочь в этом деле? Кто в нашем городе знает все и обо всех и за хорошие деньги готов продать любую информацию? Конечно же Крыса, иначе Олег Александрович Кошечкин. Для него имеют значение только деньги, а они у меня есть.

– Олег Александрович, добрый вечер. Это Елена Лукова вас беспокоит, помните такую? – Здравствуй. Не забыл.

– Мне очень нужна ваша помощь. Кое-какие сведения в связи с одним расследованием. – Уголовщина? – Кошечкин не любил с этим связываться.

– Нет, не криминал. Поиск родственников.

– Кто же вас интересует? Кому так не повезло? – ехидно спросил Крыса. – Шутите? Личность в нашем городе очень известная – Матвеев Павел Андреевич. – Хозяин ПКФ «Матвеев»? Иначе говоря, Матвей?

– Да-да, именно он.

– Ну, и что же конкретно? Его производственная деятельность? Или личная жизнь? Только личная.

– Без проблем. Подъезжайте завтра часикам к десяти. Вам как? С фотографиями и документами? Или будет достаточно устной информации?

– Устной, Олег Александрович. На полное досье у меня денег не хватит. – Желание клиента – закон.

– Заранее спасибо. До завтра, Олег Александрович.

Первое, что я сделала утром, естественно, после того как покормила скотинку, – позвонила Коле, продиктовала получившийся вчера список родителей и детей и попросила узнать через справочное бюро, кто где сейчас живет, вдохновив сообщением, что бутылка коньяка не была единственной. Едва не оглохнув от его радостного вопля, я быстренько положила трубку и стала собираться, прикидывая, сколько Крыса сдерет с меня за информацию.

Крыса, при всей мерзости его занятия, личность трагическая и, по-своему, порядочная. Когда-то давно, в конце шестидесятых, в Баратовском университете организовалась группа критически настроенной молодежи, в основном дети из очень непростых семей, которые в силу служебного положения своих родителей знали о советской действительности намного больше, чем было разрешено официальной властью. Они слушали «Голос Америки», «Свободную Европу» и щедро делились услышанным с сокурсниками. До какого-то момента их защищало положение родителей, но, когда они решили накануне ноябрьских праздников расклеить антисоветские листовки, за них взялись всерьез.

Папочки и мамочки, кому это было по силам и по карману, принялись спасать своих детей: кого-то срочно отправили в армию в страшную глушь, кого-то перевели доучиваться в другой город, кого-то просто выкупили. Отыгрались на тех, за кого некому было заступиться, среди них был и Олег. Лингвистическая экспертиза точно установила, что именно он был

автором листовок. А он действительно был очень талантлив, из него мог бы получиться прекрасный журналист.

Отсидев от звонка до звонка, а потом еще и на поселении, он вернулся в родной Баратов ни Богу, ни черту не нужный. Хорошо, хоть родители были еще живы, было ему, где голову преклонить, а вот работать в приличном месте – извините... Кто же возьмет к себе человека с таким прошлым? Особенно обозлило его то, что бывшие товарищи, счастливо избежавшие его участи, не только прекрасно устроились, но и не захотели ему хоть чем-нибудь помочь. И Олег пошел на завод, к станку. О продолжении образования думать не приходилось, его будущее было перечеркнуто раз и навсегда.

Но зато после 1985 года наступило его время. Олег был прекрасным аналитиком. Он, как старатель промывает на приисках породу в поисках крупинки золота, просеивал газеты, журналы, радио и телепередачи, отыскивал нужную информацию, систематизировал, обобщал, раскладывал по полочкам. И наступил момент, когда ее количество перешло в качество.

Впервые он проявил себя в начале 90-х, когда в области начались политические баталии. Он просто пришел к тому, кто мог заплатить больше за компромат на соперника, и предложил свои услуги, предупредив при этом, что на потенциального покупателя у него тоже кое-что есть, поэтому, если его собираются «кинуть», то могут попробовать, но за последствия он не отвечает. В результате он получил деньги за оба досье. Так Олег превратился в Крысу.

С появлением Интернета его возможности резко возросли, соответственно, возросли расценки на его услуги. Но у него был собственный кодекс чести: он никогда не продавал одну и ту же информацию дважды и действовал по принципу «Кто первый встал, того и сапоги».

Доходило до того, что некоторые баратовские предприниматели стали периодически звонить Крысе и интересоваться, нет ли у него на них чего-нибудь новенького. Если Крыса отвечал: «Да, и очень много», то ничего страшного, просто его собеседник утаил от уплаты налогов приличную сумму или что-то подобное, то есть дело насквозь житейское и никакой угрозы для деловой репутации не представляющее. Но если Крыса отвечал: «Ерунда всякая», то здесь нужно было, бросив все дела, бежать к нему. Под «ерундой» обычно подразумевались кутежи с проститутками в сауне, пьяный дебош в ресторане. Иначе говоря, те милые пустячки, которые, будучи опубликованными в скандальной прессе во время, например, избирательной кампании (а очень многие предприниматели стремились поучаствовать в дележе сладкого пирога в качестве депутатов городской или областной думы), способны были свести на нет хорошо оплаченные усилия любых столичных пиарщиков.

Однажды директор Баратовского судоремонтного завода Виктор Петрович Богданов, тот самый, из-за которого мне пришлось уйти из милиции, собрался баллотироваться в Госдуму. Узнав, что у Крысы на него собрано солидное досье, он не придумал ничего лучшего, как послать к тому своих головорезов, числившихся по штатному расписанию охранниками. Поскольку мальчишки, в силу невеликих умственных способностей, найти ничего не смогли, они разгромили квартиру Крысы, а его самого сильно избили.

Крысе даже два и два складывать не пришлось, чтобы понять, откуда ветер дует. Через день в «Коммерсанте» появилась очень обоснованная разгромная статья о деятельности директора судоремонтного завода со ссылкой на конкретные факты и документы. Крыса наглядно подтвердил, что он мог бы стать блестящим журналистом. Причем редакция сообщала, что в ее распоряжении находятся ксерокопии всех документов. Так что, если кто хочет обратиться в суд за защитой чести, достоинства и деловой репутации, то милости просим. Крупный российский олигарх, на поддержку которого рассчитывал Богданов, популярно объяснил, что с дураками дела не имеет.

Показательная порка возымела свое действие. Во-первых, стало ясно, что у всех документов имеются копии, а во-вторых, что находятся они в совершенно другом месте. Вывод был сделан однозначный: сейчас у нас дешевле заплатить.

Крыса никогда не был женат. После смерти родителей он остался в той же квартире, с той же мебелью. Единственными современными вещами в доме были холодильник, телевизор и мощный компьютер. Он не обращал внимание на свой внешний вид, одевался чисто, но скромно. Новую вещь покупал тогда, когда старую уже невозможно было починить. Убиралась и готовила у него соседка, его ровесница, которую он знал чуть ли не с детства. Никто не мог понять, зачем ему деньги, но никто не отваживался и спросить. С ним никогда не торговались, разумно рассуждая, что себе дороже выйдет. Платили деньги, забирали документы и прощались до следующего визита.

Вот к этому странному человеку я сейчас и собиралась поехать. Около двери я обернулась, чтобы убедиться, что Васька не стоит около меня, готовый выскочить, если я заезаю, за дверь. Но он, занятый слизыванием с усов остатков завтрака, даже проводить меня не вышел.

Крыса не стал терять время на приветствия:

– Что конкретно вас интересует?

– Самое главное: появлялись ли когда-нибудь в окружении Матвеева братья-близнецы, кто они такие и где они сейчас?

– Никогда. Что еще?

– Тогда все остальное, Олег Александрович.

– Ну что ж, Елена Васильевна, кто платит, тот и заказывает музыку. Итак, Матвеев Павел Андреевич родился в Баратове 10 апреля 1970 года. Родители: отец – Матвеев Андрей Артамонович, умер от эмфиземы легких в 1979 году, мать – Фролова Клавдия Федоровна, умерла от алкогольного отравления в 1986 году. В мае 1984 года попал в колонию для несовершеннолетних за превышение самообороны – убил в драке человека, освобожден в 1988 году. Судимость снята.

– Олег Александрович, меня интересует другое. Он женат? Где он живет и с кем? – Отвечаю. Матвеев не женат и никогда не был. Имеет четырехкомнатную квартиру по адресу: проспект Независимости, дом 18, квартира 85, 9-й этаж. Сейчас там проживает его актуальная любовница Ковальская Яна Станиславовна, 1981 года рождения, «Мисс Баратов-2002», студентка 5-го курса экономического института. В 94-м Матвеев выкупил у разорившего механического завода турбазу «Рассвет», где теперь постоянно и живет. Еще вопросы?

– Нет, Олег Александрович, спасибо, достаточно. Сколько я вам должна? Расплатившись с Крысой, я вышла от него в еще большем недоумении, чем вошла. Я уже, хоть дерись, совершенно ничего не понимала. Если родители Матвея умерли, то с кем он разговаривал тогда в кабинете, кого он называл мамой? Я была совершенно уверена, да и моя интуиция, которой я привыкла доверять, не то что подсказывала, а просто орала мне в ухо, что Матвей знает близнецов.

Дело в том, что Крыса всегда давал абсолютно достоверную информацию или не давал ее вообще. Это знали все и никогда не подвергали его слова ни малейшему сомнению. Сейчас же он, рискуя своей репутацией, врал. Получается, что вчера после разговора со мной Кошечкин позвонил Матвею и проконсультировался, что можно говорить, а что – нет. Да, здесь было о чем задуматься. Мыкола был прав – куда я лезу?

Кстати, надо ему позвонить и узнать, что там с моим списком. Да и посмотреть уголовное дело Матвея не мешало бы. Колька оказался на месте, и мы договорились встретиться в кафе, именуемом в народе «Харчевня «Накось выкуси»».

Когда я подъехала, Николай уже аппетитно уплетал пирожки с капустой и запивал их «Пепси». Это его всегдашняя манера – сочетать несочетаемое. Я взяла себе только чашку

кофе – сегодняшние открытия начисто отбили мне аппетит. Скоро можно будет взять патент на новое эффективное средство похудения – займитесь частным сыском и забудьте о лишних килограммах. Колька передал мне список адресов, но я предчувствовала, что он мне не пригодится.

– Мыкола, Матвей в мае 84-го загремел на четыре года на «малолетку». Мне надо посмотреть его дело. Устрой, пожалуйста.

Николай задумался:

– Вряд ли это сейчас получится, я же тебе говорил, у нас очередная кампания... Давай, я сам посмотрю и расскажу тебе. Что тебя интересует?

– Да, если бы я знала. Все или, по крайней мере, то, что ты сам считаешь необычным. Когда сможешь?

– Елена, ты уже не впервые толкаешь меня на должностные преступления. Дай честное слово, что когда меня выгонят из милиции, ты возьмешь меня в компаньоны. Представляешь, как это будет звучать? Фирма «Лукегор» или «Егорлук». Давай мобилу!

Колька набрал номер архива и попросил к телефону какую-то Олю. Два раза объяснившись ей в любви, рассказав один анекдот и пообещав самую большую коробку самых лучших в городе конфет (я ни секунды не сомневалась, что оплачивать их буду я), он уговорил ее найти дело Матвея, пока он будет лететь к ней на крыльях любви.

Купив по дороге набор «Коркунов», мы подъехали к управлению, и Мыкола пошел «на дело», а я осталась ждать в машине.

Почему-то мне не верилось, что из затеи с адресами выйдет что-то путное. Конечно, объехать всех и сравнить с фотографией несложно, дело пары дней. Но я решила оставить это на крайний случай, а пока обдумывала, как бы мне заставить Матвея быть пооткровеннее. Единственный путь, который я видела, – рассказать ему правду. Но без разрешения Власова я это сделать не могла, значит, надо ему позвонить, благо, его визитка у меня с собой.

– Добрый день, Александр Павлович, это Лукова.

– Здравствуйте, Лена. Неужели уже нашли?

– Да нет. Порадовать мне вас пока нечем. Вы помните, что, кроме близнецов, на фотографии был еще один парень? Так вот, я с ним встретилась, и мне кажется, что он что-то о них знает, но не хочет говорить. Я надеюсь, что если он узнает причину, по которой я их ищу, то может что-то рассказать. Вы разрешите мне быть с ним пооткровенней?

– Крайне нежелательно. Вы скажете ему, он еще кому-то. История может попасть в газеты. Представляете, сколько может найтись желающих попасть ко мне в сыновья? Сколько женщин начнут делиться с журналистами своими якобы воспоминаниями? Давайте договоримся так. Вы, безусловно предварительно предупредив меня, поговорите с ним только в том случае, если это будет последний шанс.

– Хорошо, Александр Павлович, я поняла.

– А что это за парень?

– О, это очень колоритная фигура. Если интересуетесь, то я сброшу вам вечером по электронной почте информацию о нем. А как только появится что-то новое, я вам тут же сообщу.

Появился Коля, и, судя по его виду, ничего интересного ему узнать не удалось. – Не томи душу, Мыкола. У меня сегодня день обломов, так что вали до кучи. – Ленка, да ничего особенного. В общем, так. После того как у Матвея умер отец, его мать периодически себе мужиков заводила, а поскольку сильно пьющая была, то мужики были соответствующие, но и те долго не задерживались. А в конце марта 84-го она привела Волкова Василия Николаевича, который только что от «хозяина откинулся», отмотав червонец за разбой. Стали жить вместе. И начала Пашкина мать Волкова подзуживать, чтобы он воспитанием парня занялся, а то совсем от рук отбился. В тот день Ленинский субботник был, Матвей школьный двор

убирал, а тут пьяный Волков на него с кулаками. Матвею бы убежать, а он вместо этого всадил Волкову вилы в живот, тот и помер. А Матвею-то как раз 10 апреля 14 лет исполнилось. Ну, и квалифицировали, как превышение необходимой – дали четыре года. Вот и все. Что делать собираешься?

– Как ты думаешь, Коля, мог Матвей с этими ребятами в колонии познакомиться? Мне кажется, мог. Надо бы туда съездить и с замом по воспитательной поговорить. Он где отбывал?

– В Михайловке. Я еще удивился, как он туда попал. Там же только детки всяких шишек сидят, чуть ли не по московской разнарядке. А Матвею, при его происхождении, светил Грибниковский беспредел. Да, вот еще, я на всякий случай адрес выписал, где Матвей до отсидки жил, может быть, там что-нибудь нароешь.

– Спасибо, – я взяла листок с адресом. Ну и ну! Это же Воронья слободка, место в Баратове широко известное и печально знаменитое.

– Ладно, Ленка, если чего надо, звони. Ну, пока, не грусти, подруга. Как ты любишь говорить, отбодаемся. – И, подмигнув мне, Николай вылез из машины и пошел на работу.

А я, сказав, как обычно, «Целую, Муся!», решила не откладывать дело в долгий ящик и поехала в Михайловку, благо, это всего в семидесяти километрах от города.

В отличие от колонии для малолетних в поселке Грибники, по которому она и получила свое название и где царил настоящий беспредел, Михайловская всегда считалась образцово-показательной. Сюда привозили проверяющих из Москвы и иностранные делегации, которые в последние годы почему-то сильно полюбили наш город, и попасть в нее действительно могли только избранные. Тут не только были нормальные бытовые условия и хорошо кормили, но и работали знающие учителя, врачи и воспитатели, которые действительно занимались с ребятами. А самое главное, здесь не было того ада, что в других «малолетках». Драки, конечно, были, но вот ужасные издевательства старших над младшими не допускались.

В администрации колонии я стала искать зама по воспитательной, но его не было – вызвали в управление, тогда я пошла к начальнику. К моему величайшему удивлению им оказался Мишка Козин, с которым мы когда-то учились в юридическом. После неизбежных в таких случаях воплей «Сколько лет, сколько зим!» и «Ты совершенно не изменилась!» я перешла к делу:

– Миша, помоги по старой памяти. Я тут одних ребят ищу, дело мутное и муторное, но, сам знаешь, «не потопаешь, не полопаешь». Думается мне, что могли они в твоей колонии побывать, где-то в 88-м году. Может, дашь порыться в документах? А я тебе большое спасибо скажу.

– Елена, свет Васильевна, я краем уха слышал, что ты частным сыском балуешься. Дело, конечно, хлопотное, но денежное, не то что у нас, людей служивых, на государственной службе состоящих. А «спасибо», извини, не шуршит и не булькает.

Мишка с годами совершенно не изменился, он еще в институте всегда просчитывал, а что он получит, если соизволит оторвать свою задницу от стула.

Желая подразнить его, я сказала:

– А ты как хочешь, чтобы шуршало или чтобы булькало?

– Лучше, чтобы шуршало, тогда и бульканье, при желании, послушать можно. – Значит, будет шуршать. Миша, сколько?

Названная Мишкой сумма меня не разоряла, и, передав ему «барашка в бумажке», я спросила: – Ну, где у тебя канцелярия?

– А зачем тебе канцелярия, руки пачкать, в бумажках рыться? – удивился Мишка. – У меня один воспитатель есть, так он всех, кто здесь когда-то побывал, можно сказать, с самого

основания колонии и в лицо, и по именам помнит, кто чем отличался, кто чем занимался. Сейчас я его приглашу, и беседуйте на здоровье.

Козин вызвал по внутренней связи какого-то Петра Афанасьевича и, когда тот пришел, попросил помочь мне в поисках. Я попрощалась с Козиным и пошла за капитаном Дониным, как он представился, войдя в Мишкин кабинет.

В небольшой чистенькой комнате, никак не похожей на казенное помещение, Петр Афанасьевич, сущий солдафон на вид, пригласил меня садиться и, устроившись сам, спросил:

– Кого ищете?

Я достала фотографию и показала на близнецов:

– Вот этих ребят, они 74-го года рождения. Кажется мне, что могли они у вас поквартировать году так в 88-м.

Донин неторопливо надел очки и стал внимательно рассматривать снимок, потом также неторопливо их снял, сложил, убрал в карман, вернул мне фотографию и, наконец, сказал:

– Неправильно вам кажется, их у нас никогда не было. А позвольте вопрос, почему вы их ищете? Ох, не стал бы он спрашивать из праздного любопытства, не тот он человек. Значит, знает что-то, но скажет только, если сочтет нужным. Ну что ж, немного приоткроем тайну, врать ему ни в коем случае нельзя. Мужик он, судя по всему, битый, сразу же это поймет, и пиши пропало.

– Я ищу этих теперь уже взрослых мужчин по просьбе их отца. Он их никогда не видел и даже не знает, как их зовут. Фотографию он получил по почте, на конверте был штамп нашего города. А поскольку третьим на фотографии Матвеев, который с 84-го по 88-й был у вас на постое, то я и решила, что они могли познакомиться здесь. Фотография же сделана в 1995 году.

Донин задумался, потом, видимо, что-то для себя решив, сказал:

– Кое-что я вам расскажу, не все, конечно, но ведь и вы всего не говорите. У Паши Матвеева была фотография этих мальчиков, он их братьями называл. Мать их к нему на свидания каждые выходные приезжала. Не положено, конечно, но распоряжение сверху было – разрешить. А после 86-го, как мать Павла умерла, он эту молодую женщину стал мамой называть, точнее мамулей.

– А как звали эту женщину и мальчиков? И, может быть, вы знаете, кто дал такое распоряжение? – Не помню, – это было сказано таким тоном, что без объяснений стало понятно: знаю, но не скажу. – Петр Афанасьевич, а чем здесь Павел занимался, ну, кроме как учился. Он же что-то делал, может быть, планировал что-то. Уж вы-то должны были знать.

– А вот это, Елена Васильевна, из области вашего матушкой-природой заложенного любопытства, и к поискам вашим никоим образом отношения не имеет.

– Не имеет, Петр Афанасьевич, не имеет. Но согласитесь, что Павел Андреевич – личность настолько интригующая, что и поинтересоваться не грех.

– Не влюбились ли вы в него, часом? Если так, то зря. Пустое это. Ну да ладно. Павел здесь времени даром не терял, учился много: французский вот выучил. У нас в то время учительница музыки хорошая была, а у него слух идеальный оказался, так она его на гитаре играть научила, петь. Старинные романсы у него особенно душевно получались, на всех концертах выступал. Читал много, особенно по русской истории. Библиотека-то у нас богатейшая, чего только нет, а его, кроме всего прочего, туда еще и работать определили. Тоже по распоряжению сверху, место ведь самое престижное, как теперь говорят. Так его оттуда вытащить нельзя было, разреши ему, он и ночевал бы там.

Донин вспоминал о Матвее с удовольствием, видно было, что тот ему симпатичен: – Сила в нем не мальчишечья была, а взрослая, мужская уже, так что задевать его опа-

сались. Один раз только, помню, драка была. Даже не драка, а так, не пойми что. Появился у нас тут один папенькин сынок из Москвы и, не разобравшись толком, учительницу музыки, что с Павлом занималась, проституткой назвал. Мол, знаем мы эту музыку, сами так играть умеем. Ну, Павел ему пощечин и надавал, да так, что у того из носа кровь пошла. Новичок было в драку полез, а ему сказали, что Павел за убийство здесь находится, он и притих, гнида такая.

Донин даже передернулся от отвращения.

– Павла-то он стал стороной обходить, так вздумал над мальчонкой одним измыться, Вадиком. А тот постоять-то за себя не мог – маленький, слабенький, да еще и хромал сильно. Славный такой малец, умненький, тоже из библиотеки вытащить было нельзя, учился хорошо. В его дворе шпана всякая над бездомной собакой издевалась, так он, Кулибин малолетний, взрывное устройство, простенькое такое, под скамейку, где они обычно сидели, подложил, ну и рвануло. Пострадать-то никто не пострадал, но шуму было много. И как он к нам смог попасть, до сих пор не пойму? Бабушка старенькая у него одна только и была, видел ее как-то, когда она приезжала, такая чистенькая старушка. Так вот, что уж там произошло, не знаю, и свидетелей не было. А только, когда гнида этот из больницы вышел, то его быстренько в Грибники перевели.

По-видимому, именно этого выросшего уже мальчика я и видела в офисе Матвея. Да, умеет он окружать себя преданными людьми.

И показывая, что разговор окончен, Донин встал из-за стола.

– А переживал он, что военным ему уже никогда не стать, из-за судимости. Вот и все, Елена Васильевна. Что мог сказать, то сказал.

– Спасибо, теперь я знаю, где близнецов искать. Петр Афанасьевич, ведь кроме вас никто, наверное, так хорошо Матвеева не знает. Почему вы сказали, что пустое дело?

– Обиделись? – Донин улыбнулся, – Не надо, не расстраивайтесь. Дело совсем не в вас. Просто для него на свете существует только одна женщина – та, которую он мамулей называет. А все остальные – подсобный инвентарь, пусть и со всем уважением и галантностью, но души его они не заденут.

– Знаете, я почему-то уверена, что, как только я уеду, вы сразу же позвоните Матвееву и расскажете о моем визите, так ведь?

– Так, Елена Васильевна, так, и даже отказываться не буду – он ж мне не чужой. – Ну что ж, спасибо вам, Петр Афанасьевич, еще раз. Если я вам за помощь деньги предложу, вы меня куда пошлете?

– А то сами не знаете? Вы женщина взрослая, и адрес этот вам хорошо знаком. А благодарить меня не надо. Когда у человека такое страшное горе случается, то его в жизни должны какие-то якоря держать. Лучше всего дети. Да не смущайтесь вы так, ничего лишнего вы мне не сказали, только сходство мальчишек с отцом в карман не спрячешь.

Душу Матвея я, видите ли, не задену, думала я по дороге в город. А зачем мне, спрашивается, его душа? Что я с ней делать буду? Да и сам он мне не нужен, как, впрочем, и никто другой. Умный мужик капитан Донин, а здесь ошибся: принял мой интерес к делу Матвея за обычный и вполне объяснимый интерес женщины к красивому и богатому мужчине. Ну, да Бог с ним.

Дома я накормила Василиса и, сварив себе крепкий кофе, села сочинять письмо Власову. Что-то удержало меня от того, чтобы написать о Матвее подробно. Я только, не называя его имени, сообщила, что это очень богатый и известный в Баратове человек, правда, не без греха – был когда-то судим за убийство, совершенное в результате превышения необходимой самообороны, но судимость давно снята, и сейчас он глава процветающей фирмы.

Уже отправив послание, я задумалась, почему я не написала всю правду, но так и не смогла в себе разобраться. Просто моя интуиция, которой я безусловно доверяю, сказала мне: «Молчи», и я ее послушалась.

Проснувшись я довольно поздно, хотя могла бы поспать и еще, но Васька, который обычно по утрам приходит сверлить меня взглядом, намекая на завтрак, не добившись успеха, запрыгнул на диван мне в ноги, а когда и это не помогло, переполз поближе к голове и тихонько замурчал, вызывая к моей совести. «Обжора!» – укоризненно бросила я ему, чем нимало его не смутила. И он, убедившись в том, что разбудил меня, стал сползать с дивана, как обычно, гармошкой – сначала опустил на пол передние лапы, сладко потянулся, переноса на них свой вес и вытянув задние, и наконец весь оказался внизу. Он важно и неторопливо двинулся в сторону двери и только перед тем, как свернуть в коридор, обернулся на меня: «Ты что же, еще валяешься?». – «Ох, и разбаловала я тебя, Василис», – думала я, накладывая ему для разнообразия сухой корм.

Несмотря на насильственное пробуждение, настроение у меня было прекрасное – наконец-то в деле появилась ясность. Приободрившись под прохладным душем и приведя себя в порядок, я чуть ли не вприпрыжку отправилась на кухню, чтобы за чашкой кофе распланировать свой день. А собственно, чего планировать? Просто нужно съездить в Воронью слободку, которая находится в Привокзальном районе нашего города, и поговорить с теми, кто помнит Матвея, а там и до близнецов рукой подать.

Воронья слободка – название совершенно неофициальное, но к нему все давно привыкли. На самом деле это два стоящих углом друг к другу длинных дома, которые когда-то давно выстроило для своих рабочих управление железной дороги под коммунальные квартиры – в те времена и они были за счастье. Первоначально дома были заселены всеми подряд, в одной квартире могли жить слесарь, инженер и машинист, потому что все равны, любая работа почетна, и все остальное в этом духе.

Но со временем те, кто поприличнее, иначе говоря, кто не пил и нормально работал, получили отдельные квартиры или построили кооперативы. А в доме остались или те, кто не мог уйти, потому что не было денег на другое жилье, или человеческое отребье, которое все здесь устраивало: всегда находились собутыльники, в любое время дня и ночи можно было найти выпивку и женщину, погорланить песню и подраться. Освободившиеся из заключения люди, которые устраивались на железную дорогу рабочими по ремонту путей и получали в этом доме комнаты, приносили с собой дух уголовного мира.

Этот водоворот человеческих пороков затягивал все новые и новые жертвы. Выросшие здесь дети, не зная другой жизни, шли по стопам родителей: девочки рано становились вокзальными проститутками, а мальчики с детства воровали по мелочи, пока, повзрослев, не попадались на чем-нибудь более серьезном. То, что Матвею удалось вырваться оттуда, было чудом.

Третьей стороной этого своеобразного треугольника был трехподъездный пятиэтажный дом, так называемая хрущевка, жильцы которого были против своей воли вовлечены в жизнь буйного соседа – двор-то общий, здесь все и на лавочках сидели, и белье сушили, и машины ремонтировали. Да и дети из всех трех домов тут крутились и ходили в построенные рядом ведомственные детские ясли-сад и школу. Весь этот комплекс зданий находился недалеко от вокзала.

Мои размышления прервал звонок в дверь. Странно, я никого не ждала, потому что все мои знакомые, как правило, предварительно интересуются по телефону, дома ли я, что при моей работе бывает достаточно редко. Я не стала закрывать дверь на кухню, потому что Васька, увлеченный завтраком, и так бы не вышел, и пошла посмотреть в глазок – вот уж кого я никак не ожидала: это была Добрынина. Видимо, она прилетела первым утренним рейсом.

– Вы Елена Васильевна Лукова? – спросила она и после моего кивка продолжала. – Я Екатерина Петровна Добрынина. Не знаю даже, как сказать... Ну я... В общем, мы с Александром Павловичем живем вместе.

– Екатерина Петровна, проходите, пожалуйста, и не волнуйтесь вы так. Я читала газеты и видела ваши фотографии, так что в курсе происходящего.

Добрынина прошла в комнату и села в кресло. Выглядела она бледной, хотя, казалось бы, дальше и некуда, и взволнованной:

– Простите, ради Бога, Елена Васильевна, за столь ранний и неожиданный визит. И, я вас очень прошу, не говорите Александру Павловичу о том, что я у вас была. Я бы никогда не посмела вмешиваться в его дела, но... Я врач и, как говорят, неплохой, я лучше кого бы то ни было знаю его состояние. Он всегда работал на износ и жил взахлеб, что, как вы понимаете, здоровья не прибавляет. Но эта трагедия с Настенькой его почти убила, и он только-только начал приходить в себя, как пришло письмо от этой женщины. Елена Васильевна, у Саши нет от меня секретов, я знаю, что ему неоднократно пытались навязать детей, но он...

– Екатерина Петровна, он мне рассказал, что...

– Тем лучше, что вы все знаете, – перебила она меня. – Саша, конечно, загорелся – ведь, судя по внешности и возрасту, они действительно могут быть его детьми. Но я вас очень прошу, не надо их искать. Я прочитала ваше вчерашнее письмо. Это какой-то ужас! Они оказались связанными с каким-то уголовником, убийцей. А вдруг они тоже уголовники? Подумайте сами, почему эта женщина прислала старый, очень нечеткий, любительский снимок, как мы подсчитали, 1995 года, а не более позднюю фотографию? Почему? – она требовательно уставилась на меня и тяжело вздохнула: – Я очень боюсь за Сашу. Этого разочарования он не перенесет.

– Я понимаю ваши опасения, Екатерина Петровна, но что вы предлагаете? – Елена Васильевна, я знаю, что Саша заплатил вам аванс и даже знаю сумму. Так вот, я вас прошу, оставьте эти деньги себе, а ему скажите, что найти этих людей не удалось. Ведь, как я понимаю, если ему не сообщили о них никаких дополнительных сведений, то совершенно не хотели, чтобы он их нашел. Таким образом, вы не погрешите против истины.

К такому обороту дела я была совершенно не готова. Екатерина Петровна все очень логично обосновала. Редко, кто откажется от такого подарка. Но «халява, please» не в моем духе. Интересно, что она еще придумала.

– Екатерина Петровна, каждый мало-мальски уважающий себя частный детектив следует определенным, пусть и неписаным правилам. Если я откажусь от этого дела, мне нужно будет объяснить Александру Павловичу, почему именно я это сделала, и вернуть деньги за вычетом уже произведенных расходов и моего гонорара за уже проделанную работу.

Добрынину это не смутило.

– Елена Васильевна, я ни секунды не сомневалась в вашей порядочности. Давайте так и поступим. Вы скажете Александру Павловичу, что найти близнецов невозможно, и вернете деньги, а я возьму вам разницу и даже выплачу компенсацию за то, что вам пришлось... Как бы помягче выразиться?... Ну, признать, что вы не смогли это сделать. Мы договорились?

Почему она не хочет, чтобы близнецов нашли? Чего она боится? Думай, голова, думай – картуз куплю! Что она его потеряет? Крайне сомнительно. Ведь им не мешала его единственная и горячо любимая дочь, а здесь совершенно незнакомые парни, это во-первых. Во-вторых, предположим, что ребята – уголовники. Но Власова никто не заставляет с ними встречаться. Ну, узнает он, что они по кривой дорожке пошли, так под влиянием той же Добрыниной порвет их адрес к еловой бабушке, и дело с концом. В-третьих, даже если ребята нормальные законопослушные граждане, совершенно непредсказуемо, как они поведут себя по отношению к вновь обретенному папочке. Может, просто плюнут ему в лицо или пошлют подальше. Но в этом случае он побежит плакаться к ней же. В чем же дело?

Я внимательно рассматривала Добрынину. Она могла бы выглядеть значительно лучше, если бы сделала другую стрижку, изменила цвет волос, подкрасилась и оделась по моде. Почему же она этого не делает? Ей же самые дорогие визажисты по средствам, женщина она отнюдь не бедная. Иметь гражданским мужем такого красавца, как Власов, и совершенно не следить за собой. Очень странно.

Чем же она могла его привлечь? Вероятно, как раз тем, что сработала на контрасте. Не идущая на него в лобовую атаку женщина-вамп в боевом раскрасе, от которых его уже давно тошнит, и пользуется он ими, как одноразовыми салфетками. А такая простая, добрая, заботливая, никуда не лезет, ни во что не вмешивается, все поймет, все простит, одним словом, идеальная спутница жизни для знаменитого человека, ангел-хранитель для домашнего употребления.

Опростить донельзя свою внешность, просто изуродовать себя (редкая женщина согласилась бы на это), переживать из-за того, что его могут разочаровать результаты поиска его сыновей... Неужели она его до такой степени любит? Я смотрела на нее и не могла в это поверить, хоть дерись, но не могла, и все.

– Екатерина Петровна, я вас прекрасно понимаю, но, извините, ничем не смогу помочь. Моим клиентом является Александр Павлович, и только он может снять заказ. Если я его обману, то просто перестану себя уважать.

Должно быть, она поняла, что уговаривать меня бесполезно, поэтому не стала задерживаться и, поднявшись из кресла, сказала:

– Елена Васильевна, если с Сашей что-нибудь случится, это будет на вашей совести. Вы после этого сможете себя уважать?

Когда я провожала ее к двери, нам навстречу попался Васька, который, увидев Добрынину, просто задним ходом, опустив обычно гордо поднятый хвост, отскочил от нее обратно в кухню. Что это с ним, удивилась я, раньше за ним такого не водилось.

От моего хорошего настроения и следа не осталось. Постаравшись отбросить невеселые мысли, я быстренько собралась и поехала в Воронью слободку.

Оставив машину на улице, я зашла во двор – зрелище было не для слабонервных. Мне приходилось бывать здесь несколько лет назад, и тогда я, по наивности своей, считала, что доведенный до такого похабства двор изгадить больше уже невозможно. Я ошибалась. Теперь посередине двора высилась куча мусора многонедельной давности, в которой на равных основаниях копались кошки и крысы. Неподалеку от нее ржавели останки оставленного здесь кем-то когда-то «Запорожца» – все, что можно было с него снять и пропить, пошло в дело. На бельевых веревках болтались тряпки, формой напоминавшие простыни, а цветом – столовский кофе забытых студенческих времен.

Около трансформаторной будки, где укрепленные на стойках трубы центрального отопления спускались вниз и шли почти по земле вдоль глухого торца пятиэтажки, был оборудован своеобразный «Красный уголок» неандертальца, в котором сейчас копошились три человекоподобных существа, пьяные, судя по виду, еще с прошлого века. На зрение я не жалуюсь, поэтому смогла разглядеть, что одно из них было женщиной неопределенного возраста. Сейчас эта троица занималась делом привычным и любимым – кушала бормотуху без всяких фантазий.

Целиком поглощенные этим процессом, они не заметили, что я подошла достаточно близко, чтобы слышать, о чем они говорят. Я не вчера родилась и сама знаю несколько слов, которые могу произнести, не путая падежи и ударение, но обороты, выдаваемые этой якобы женщиной с вольной непринужденностью старого боцмана, вовсе уж противоречили этикету.

Условия для работы здесь самые антисанитарные, да и местные народные обычаи мне совершенно незнакомы, поэтому без посторонней помощи никак не обойтись. В голове поти-

хоньку начал вырисовываться очень неплохой план. Но для претворения его в жизнь мне требовалась помощь одного своеобразного субъекта, и все теперь зависело от того, где и в каком состоянии он находится.

Делать мне здесь было больше нечего, и я отправилась на поиски Артиста, который когда-то, в те времена, о которых помнил только он сам, действительно был актером местного драмтеатра Владимиром Сергеевичем Чаровым.

Мы познакомились, когда он принес в Пролетарский райотдел милиции заявление о том, что его обокрали. Осмотрев в коммунальной квартире его комнату, замок которой при желании можно было бы отпереть простым, с детства знакомым заклинанием: «Сезам, откройся», я, как ни старалась, не смогла найти, а что здесь, вообще, можно было украсть. Оказалось, что унесли самое дорогое, что у него было – рулон старых афиш спектаклей, в которых он когда-то играл главные роли.

Поскольку входная дверь в самую квартиру запиралась на два солидных замка, обидеть старика мог только кто-то из соседей. Заметив, что дверь соседней комнаты приоткрыта, и оттуда, на высоте приблизительно метра от пола, выглядывает любопытный глаз, я спросила у Чарова, кто там живет. И узнав, что мать с сынишкой десяти лет, сразу поняла, кто это натворил.

– А ну, выходи, – сказала я непреклонным тоном.

За дверью раздалось сопение, и щель немного увеличилась. Стало можно разглядеть испуганного вихрастого мальчишку.

– Выходи, выходи, герой, – повторила я. – Сейчас в милицию пойдем. Сопение грозило перейти в рев.

– Ты зачем у Владимира Сергеевича афиши взял? – спросила я.

– Я думал, что они ему не нужны. Мама собралась обоим клеить и сказала, что под них на стену нужно сначала газеты наклеить или другую какую-нибудь бумагу, чтобы они ровнее ложились. Я больше не буду, – и мальчишка заревел.

– Неси назад и больше никогда ничего чужого не бери. Понял? – строго сказал я. Мальчишка притащил довольно солидный рулон свернутых афиш и со слезами на глазах попросил: – Тетенька, не забирайте меня, пожалуйста, в милицию. Я, правда, больше никогда-никогда не буду. Я заверила мальчишку, что сейчас не заберу его, но если он снова когда-нибудь, то... Он шмыгнул в свою дверь и плотно закрыл ее за собой, а я осталась выслушивать благодарности Чарова. К немалому своему удивлению я узнала, что ему еще и пятидесяти нет, а ведь выглядел он значительно старше. Далее следовал подробный, перемежаемый изъяснениями искренней признательности рассказ о кознях бездарных завистников, которые выжили его из театра, на память о котором у него остались только эти афиши.

Позднее и уже не от него я узнала, что приключившаяся с ним история стара, как сам театр. Он действительно был хорошим артистом, но внимание поклонников и поклонниц, выражавшееся в частых и шумных застольях или в бурных и не менее шумных романах, могло бы испортить и более стойкого человека. Возмнив себя незаменимым, он стал пропускать репетиции, хамить режиссеру, приходиться пьяным на спектакли. Некоторое время это сходило ему с рук, а потом его стали заменять, может быть, не столь талантливыми, но более дисциплинированными актерами. В конце концов, он скатился до ролей «Кушать подано», что его окончательно добило, а потом вообще был вынужден уйти из театра. Но винил он во всем этом, естественно, не себя, а окружающих.

Жена Чарова – актриса этого же театра, когда ее терпению пришел конец, развелась с ним и разменяла квартиру. Так Владимир Сергеевич оказался мало того, что в коммуналке, так еще и в Пролетарском районе, никогда спокойствием не отличавшемся. В то время, да и сейчас, он работал дворником, убирая территорию вокруг нескольких кооперативных домов,

председатели которых, в отличие от домоуправлений, платили мало того, что неплохо, но и регулярно.

Несколько раз он меня выручал, выполняя мои поручения там, где я сама ни в коем случае не могла показаться. Общаться с ним было несложно, нужно только соблюдать определенные правила игры – делать вид, что веришь в его гениальность, и не особенно упираться на его пристрастие к спиртному. Мог он мне помочь и в этот раз, если был дома и трезв. Он оказался дома.

– Матушка Елена Васильевна! Ну как же так можно? Без предупреждения? Мне, право же, стыдно. У меня не прибрано, да и угостить вас нечем...

– Не валяй дурака, Владимир Сергеевич, сам же понимаешь, что я по делу. Тут не до политеса. – Присаживайтесь, Елена Васильевна, – и Артист предложил мне пластиковое кресло, какие обычно стоят в летних кафе. Его сломанные переклады сиденья и спинки были закрыты картонками от ящиков, которые, в свою очередь, были аккуратно привязаны нелепым образом разноцветными ленточками. – А что случилось?

– Артист, мне нужна твоя помощь. Как ты, не очень занят, сможешь завтра поработать? За соответствующую плату, разумеется. – Обижаете вы меня, Елена Васильевна. Что деньги? Прах. Единственно для души и морального удовлетворения по мере своих скромных сил способствую торжеству справедливости. – Владимир, не морочь мне голову. Поможешь?

– Для вас, матушка, все, что угодно.

– Ну, тогда слушай.

И я стала подробно его инструктировать. В некоторых вопросах он, будучи экспертом по бомжам, с которыми ему частенько приходилось сталкиваться, со мной не согласился. Например, мое предложение взять для знакомства две бутылки «Анапы» было подвергнуто нелицеприятной критике, попытки объяснить ему, как следует построить разговор, увяли сами собой под его едким подхихикиванием, а уж предложение взять с собой двадцать рублей, на тот случай, если потребуется добавить, заставили его, видимо, усомниться в моем рассудке.

– Должен вам заметить, глубокоуважаемая Елена Васильевна, что «Анапа», да еще в количестве двух бутылок будет вызывать сомнение в моей принадлежности к славному племени бомжей. «Анапа» – это предмет роскоши, ее пьют только алкоголики, которые могут себе это позволить. Ибо одна бутылка «Анапы» по цене своей превосходит пузырек настойки боярышника производства господина Брынцалова, дай Бог ему здоровья, которая, имея семьдесят градусов и будучи разведена до соответствующей «Анапе» крепости, стоит на 2 рубля 60 копеек дешевле.

Артист задумчиво почесал голову.

– Опять же «Троя» хорошо пошла бы, но, к сожалению, достать практически невозможно – дефицит. «Анапу» можно было бы взять для форсу, если бы я заранее знал, что будет присутствовать дама, а поскольку знать я этого никак не мог, то предлагаю «Степное» в количестве двух бутылок. По нашим временам опять-таки роскошь, но все же на восемьдесят копеек дешевле в расчете на одну бутылку.

Чаров налил себе воды в большую чашку, которая, когда была с ручкой и не треснутая, выглядела очень мило, сделал несколько глотков, в горле, наверное, пересохло, и продолжил:

– Что касается того, чтобы взять с собой двадцать рублей, то это вы, Елена Васильевна, не подумав или от переутомления. Не бережете вы себя, вот что я вам скажу. Ну, где это видано, чтобы у бомжа двадцать рублей было? Он тогда и не бомж уже никакой.

На мое предложение поискать в продаже «Трою», может, она у него в запасе была, отложена до торжественного случая, Артист даже руками замахал:

– Ох, Елена Васильевна, Елена Васильевна, ну сколько раз я вам объяснял психологию деклассированного элемента. Не может у бомжа быть запаса никакого и никогда! Ведь судьба

его непредсказуема и переменчива, поэтому нужно выпить сразу, не откладывая на потом – потом-то может и не наступить.

Он прикрыл глаза и печально сказал:

– Вот вы, по молодости своей, этот фильм помнить не можете – «Леди Гамильтон» с Вивьен Ли. Это ведь классика, а не более поздние новоделы. Вы знаете, как он заканчивается? Когда опустившуюся и спившуюся леди Гамильтон в камере полицейского участка другая такая же бродяжка, выслушав историю ее жизни, спрашивает: «А что было после?.. Ну, что было потом?». И леди Гамильтон ей отвечает: «Не было после... Не было потом...».

Чаров немного помолчал, глядя в окно, но взял себя в руки и продолжил: – А по поводу того, как разговор строить, тут тем более планировать никак нельзя, здесь экспромт уместен. Опять же нужно знание психологии, особенностей души бомжа, ведь она у него тонкая, ранимая; одним словом, да что словом, взглядом можно разрушить с таким трудом установившееся доверие. Нет, здесь планировать невозможно, здесь вдохновение требуется, чувство собеседника, чтобы нюансы беседы уловить, когда спросить можно, а когда промолчать сочувственно.

И закончил совершенно прозаически:

– Адресочки давайте. Я на проспект Независимости на разведку схожу и потом смету набросаю, во что это мероприятие обойдется. А вы завтра утречком подходите, мы с вами все и обсудим. Извольте выдать аванс.

– А в «Воронью слободку» ты, что же, на разведку не пойдешь? – удивилась я. – Никак невозможно такое, Елена Васильевна, бомжи – народ наблюдательный. Я там впервые в жизни только завтра появиться смогу. Вдруг меня там сегодня кто-нибудь приметит и спросит завтра: «А чего это ты здесь вчера ошивался, гость нежданный? Чего высматривал?» Вот конфуз и получится.

Да, в больших количествах Артист труднопереносим, но в грустную минуту общение с ним способно улучшить самое препакозное настроение.

Глава 3

Приехав на следующий день к Чарову, я увидела, что он подошел к предстоящему заданию со всей ответственностью. Володя тщательно продумал и что одеть, и что взять с собой, чтобы соответствовать своему новому положению бомжа, живущего при солидном доме. Одет он был в лучшее из того, что жильцы обслуживаемых им кооперативных домов не хотели больше держать в квартире, чтобы не захламлять ее, но и жалели просто так выбросить и обычно отдавали ему. На нем были довольно приличные костюм и рубашка, а на ногах – совершенно новые кеды, видимо, кто-то разбирал завалы старого барахла в чулане.

В симпатичный полиэтиленовый пакет мы положили две бутылки «Степного», солидный кусок вареной колбасы почти без запаха, едва начатую упаковку нарезки подванивающей красной рыбы, полбатона хлеба, несколько почерневших бананов и пачку из-под «Парламента», полную как сломанными сигаретами дорогих и хороших марок, так и их очень большими окурками.

Уму непостижимо, где Артист сумел найти лежалую колбасу и вонючую рыбу. Ну, а с остальным все просто: хлеб я купила в ближайшем магазине, ужасно удивив продавцов просьбой найти почерствее, подгнившие бананы на базаре тоже не редкость, а несколько пачек разных дорогих сигарет набрала в табачном киоске и старательно поработала над ними: у некоторых отломала фильтры, а некоторые тушила, затянувшись пару раз.

Микрофон я закрепила под правым лацканом пиджака Чарова, сама же я планировала остаться в машине на улице. Прикинув приблизительно расстояние от «Красного уголка» до того места, где я собиралась, устроившись со всем возможным комфортом, смотреть спектакль «Артист в тылу врага», я решила, что прием будет нормальный. Да и Чаров будет у меня в прямой видимости – мало ли как события могут развернуться.

Начало операции мы наметили на 11 часов. Как объяснил Владимир Сергеевич, к этому времени люди обычно просыпаются и томимые жаждой выходят на промысел. А приходить в гости, когда хозяева еще отдыхают, негоже. Имелось в виду, что обитатели «Красного уголка» раньше этого времени никак не соберутся.

Я поехала на машине, а Чаров – на трамвае, сказав, что бомжи – люди наблюдательные, потому как жизнью неоднократно битые, могут заметить, что его, как барина, подвозят, и в лучшем случае прогонят, а то могут и наkostenить за милую душу.

Когда я прибыла на место проведения «оперативных мероприятий», аборигены, видимо, только что подошли к своему излюбленному месту отдыха и, сидя на трубе отопления, предавались тоскливым размышлениям: где бы взять что выпить. Минут через десять к ним подошел Артист.

– Здравствуйте, люди добрые, позвольте с вами посидеть, на солнышке погреться. Денек-то сегодня какой радостный. К лету дело идет, скоро совсем тепло станет.

– Садись, места не жалко, – сказал мужик в ветровке, которая была когда-то очень давно синего цвета. – А ты кто такой будешь, откуда пожаловал?

– Я-то? А Володя я. По всему городу говорят, что собираются здесь люди интересные, с которыми поговорить есть о чем: о жизни, о политике. Вот я и пришел с вами познакомиться.

– Ну, давай знакомиться. Я Степан, – вступил в разговор второй мужик, на котором был растянутый до невозможных размеров свитер, снятый не меньше как со слона. – Это Петр, – он ткнул пальцем в синюю куртку. – А это Нюрка, – он показал на женщину в красных с начесом лыжных штанах, о которых лично я знала только по маминым детским фотографиям. – Только настроение у нас с утра не так, чтобы очень, к разговорам не располагает.

– Ну, кто же в гости с пустыми руками ходит? – понятно засуетился Чаров и стал доставать из своего пакета приготовленное нами угощение.

Троица застыла в немом изумлении. К таким деликатесам здесь не привыкли, и они не могли не вызвать вопросов.

– Это откуда у тебя? – первым очнулся Степан.

Видимо, Артист не только продумал, но и хорошо отрепетировал свою роль, потому что никаких затруднений этот вопрос у него не вызвал.

– А из дома. Ну, то есть не того дома, который дом, а из того, при котором я живу. Нас там трое обитает, то есть не в самом доме, а в подвале неподалеку, а кормимся мы при доме. Вы бы, Аннушка, – обратился он к женщине, – на стол накрыли, посуду поставили, мы бы за знакомство выпили, закусили и беседу продолжили.

Женщина, которую даже в детстве, наверное, никто не называл Аннушкой, растерянно посмотрела на мужиков.

– Чего уставилась? – сказал Петр и принес стоявший около трансформаторной будки ящик. – Стаканы достань, видишь, гость дорогой пришел, в кои веки к нам такие люди заглядывают, – и вытащил из кармана штанов кухонный ножик без ручки, но с наколотой на острие пробкой.

Нюрка достала из-под трубы пластиковые одноразовые стаканы и поставила их на импровизированный стол. Петр сноровисто нарезал хлеб и колбасу, разрезал до конца пластик на упаковке с рыбой, открыл бутылку и налил понемногу в стаканы.

– Ну, за знакомство, – сказал Степан.

Все чокнулись, выпили, закусили, закурили, Чаров, к моему изумлению, тоже, и потекла неторопливая беседа – солировал Артист:

– Вы, люди хорошие, на проспекте Независимости дом-то новый знаете, за заборчиком который? Ну вот при том доме мы и состоим, я, то есть, и Мишка с Саньком. Уж с каким трудом мы это место себе отбили, описать невозможно! Дрались насмерть! Мишке так глаз подбили, что он месяц ничего не видел, да и сейчас не все разглядеть может. Саньку два зуба выбили и бровь разбили, а меня самого до того жестоко ногами отходили, что неделю лежал, встать не мог. Но оно того стоит, не бедствуем.

Володя заливался соловьем:

– Во дворе три бака мусорных стоят, так они между нами распределенные, у каждого свой, и границ мы не нарушаем, дружно живем. Кому что в бак попало, тот и владеет. Делимся, конечно, как же без этого, без этого никак нельзя. А мусор жильцы обычно в больших черных пакетах выбрасывают, так что все там чистенькое, и много чего интересного попадает. Уж про бутылки я и не говорю, правда, больше такие, что и сдать-то никуда невозможно, больно заковыристые. Вещи почти новые опять же попадают. А главное, сыты. Вы угощайтесь, угощайтесь.

Чаров пододвинул хозяевам рыбу и колбасу.

– Из жильцов кому что не по вкусу пришлось, так они выкидывают, а нам все сгодится. Бывает, колбасу копченую по полбатона выбрасывают, засохла, мол, консервы всякие, у которых срок годности вышел. Это Мишка, он у нас образованный, на банке разглядел и нам объяснил. А по летнему времени, как арбузы с дынями пойдут, совсем хорошо. Они купили, а он незрелый или там несладкий, так они в ведро, а получается – нам на стол. Вы, Аннушка, вот эту сигаретку попробуйте, тоненькую, самые дамские сигаретки, с ментолом.

Артист выудил из пачки, видимо, «Вог», потому что других тонких там не было. – У нас в доме девушка одна живет, первой красавицей города ее в прошлом году признали, так она только такие и курит. На мой взгляд, баловство одно, вкус в них, конечно, есть, но крепости никакой, да и цена у них бешеная – две такие бутылки купить можно. А ей-то что, не свои деньги тратит, любовник у нее – сам Матвеев Павел Андреевич. В его-то квартире она и живет, убираться к ней прислуга ходит, а возит машина с водителем. Павел Андреевич – мужчина солидный, серьезный, никогда не улыбнется, а она-то вокруг него, как

бабочка какая, порхает. А как они вечером куда-нибудь идут, так мы стоим, любимся: она вся такая тоненькая, светящаяся, в платице длинном, да и он мужчина видный.

Интересно, фантазирует Чаров или вчера, когда на разведку ходил, действительно сумел все это узнать.

– Он к ней раза два в неделю приезжает, видимо, как дела позволяют. А уж когда его водитель пакеты с коробками несет, тут уж не зевай, значит, он с ночевкой приедет. Мы в таких случаях прямо спозаранок караулить принимаемся, каждый у своего бака стоим. Потому что человек он аккуратный, как утром к машине выходит, обязательно пакет с мусором сам выбрасывает. Мужчина с пониманием, видно, догадался, что баки-то у нас поделенные, так он никогда два раза подряд в один и тот же не бросает, только по очереди, чтобы всем поровну и никого не обидеть.

В голосе Артиста слышались мечтательные нотки.

– А один раз, представляете, почти что непочатую литровую бутылку какой-то непонятной ненашенской водки рядом с баками поставил и сказал: «На всех». Вот уж праздник у нас был! Водка, конечно, крепкая, но уж больно вкус у нее странный и духами пахнет, однако голова с нее совсем не болела. А охранник при доме, мужчина строгий, но тоже с пониманием, сказал, что это, мол, китайская, и крепость у нее шестьдесят градусов. Так вот и живем, только скучно бывает, мы друг про друга уже все знаем, вот я и хожу, с людьми знакомлюсь...

Повисла просто физически ощутимая тишина. Наконец, заговорил Степан: – Петька, плесни-ка нам понемногу. Давайте выпьем за Пашкино здоровье, хоть он и знать нас не хочет и дорогу сюда забыл, а мы на него зла не держим, мы им, можно сказать, гордимся, что он таким человеком стал.

Петр послушно налил, все выпили и закусили. Тут Чаров (ах, какой же артист в нем пропал!) очень растерянно спросил:

– Степан, извините, но я ничего не понял, вы что же, Павла Андреевича знаете? – Павла Андреевича я не знаю, – отрезал тот. – Я знал когда-то Пашку Матвеева, которого сюда, в этот самый двор, из роддома принесли, когда мне двенадцать лет было, и Нюрка его знает, потому как в соседней комнате с его матерью жила, в один класс ходила, и Петька его знает, он с его отцом соседствовал.

– Чудны дела твои, Господи! – запричитал Артист. – Чего только в жизни не бывает, рассказать кому, так не поверит же никто. Степан, да как же это случилось-то все? Как же Павел Андреевич в такие люди смог выйти?

– Как он выйти смог, этого я не знаю, потому и говорить не буду. А вот как он отсюда ушел, все знают. В тюрьму он отсюда ушел, когда человека убил, хоть и мальчонкой сопливым был.

– Вы меня, конечно, извините, но если это ничьих чувств не затронет... Словом, не рассказали бы вы мне, как же все это было. Просто роман какой-то получается... – Чаров стелился мелким бесом, чувствовалось, что и ему самому это стало очень интересно.

– А чего рассказывать-то, вон, пусть Петька начинает. Все на его глазах было, а я покурю пока, а потом, может, и добавлю чего, что другие не знают, – Степан закурил и расслабленно прислонился к стене дома.

Петька явно набивал себе цену, напрашиваясь на лишний глоток вина: – Горло-то у меня уже не то, пересыхает быстро.

– А вот мы его и промочим, – тут уже Артист взял на себя инициативу и разлил понемногу в стаканы. – Чтобы у вас, Петр, горло не пересыхало, и за здоровье всех присутствующих!

Петр выпил свой стакан, с сожалением посмотрел на его дно и начал рассказ. А я поудобнее устроилась на сиденье, закурила и приготовилась слушать – начиналось самое интересное.

По словам Петра выходило, что ему было пятнадцать лет, когда Пашкин отец Андрей Артамонович появился в их коммунальной квартире, где жили сам Петька с матерью и соседка Степановна, старушка – божий одуванчик. В конце 68-го года он на железную дорогу устроился слесарем в депо, и ему дали эту семиметровую комнату. Было ему в то время лет пятьдесят. О себе он сказал только, что всю свою жизнь на Севере прожил и легкие там себе надорвал, а как близких схоронил, так решил податься, где потеплее. Ни жены, ни детей, ни денег он с собой не привез – с одним чемоданом приехал.

Начал Андрей Артамонович с того, что отремонтировал свою комнату – вещь в доме ранее небывалая, и починил все, до чего годами ни у кого не доходили руки: краны, проводку и все прочее во всей коммунальной квартире. Но больше всего удивило всех то, что врезал он в дверь своей комнаты сложный замок, запиравшийся сразу двумя ключами – вроде и воровать-то у него было совершенно нечего.

Жил нелюдимо, не пил, не курил, компанию ни с кем в доме не водил, женщины к нему тоже не ходили, хотя, по словам Петьки, был он мужчина красивый. Как я поняла по описанию, Павел был точной копией своего отца. Сначала все соседские бабенки пытались к нему прибиться – просто грех такого мужика упустить, трезвого и работающего – однако получили вежливый, но твердый отказ. Окончательно сразило всех известие, что Матвеев ходит в библиотеку. Это уже никак и ни у кого в голове не укладывалось, и на него махнули рукой – не наш человек.

А через несколько месяцев в соседнем подъезде появилась Клава. Ее мать вскоре после рождения отвезла в деревню к родне, чтобы она ей жить не мешала. Потом воспитывавшая ее бабка-старуха умерла, и восемнадцатилетняя Клава приехала в город к матери, как снег на голову свалилась. Матери ее, конечно, такая обуза оказалась совсем не нужна – она веселую жизнь любила, и Клава ее стесняла. А сама Клава с непривычки всех этих шумных пьяных компаний боялась и допоздна сидела во дворе, ждала, когда можно будет домой идти.

Там-то ее Андрей Артамонович и заметил: подошел, познакомился. Потом со Степановной договорился, чтобы Клава могла у нее иногда ночевать. А потом как-то незаметно Клава переместилась из старухиной комнаты в его. Прошло некоторое время, и выяснилось, что Клава беременна, и опять Андрей Артамонович всех удивил – сказал, что жениться не женится, но ребенка признает. Хотя какая, казалось бы, разница? Вот так на свет появился Павел Андреевич Матвеев.

Андрей Артамонович попросил соседку, чтобы она Клаве помогала, чем сможет, например, за ребенком посмотреть, пока та в магазин или еще куда пойдет. Та согласилась – хоть какой-то смысл в жизни появился. Ну, а Клава, привыкнув со временем к пьяной и разгульной жизни дома, и стала этим пользоваться – ведь все вокруг веселятся, а она целыми днями все с ребенком да с ребенком, тоскливым ей это показалось. Вечером Андрей Артамонович придет, так с ним тоже особой радости нет – он же ей в отцы годился. Попробовал он ей книги из библиотеки носить – хотел, чтобы она, пока дома сидит, к техникуму подготовилась, а ей это совсем неинтересно, да и наследственность начала сказываться.

Сначала Клава только днем к матери бегала, а запах спиртного старалась чесноком или луком заглушить. А потом осмелела и стала позже задерживаться, а порой и ночевать там оставалась. А мать ее еще и подзуживала: ты, мол, женщина свободная, незамужняя, сама себе хозяйка. Андрей Артамонович раз стерпел, что она домой не пришла, два, три, а на четвертый собрал ее вещички и к матери отнес: получай доченьку обратно. Вот так они вдвоем с Пашкой и оказались. Определил Матвеев сына в круглосуточные ведомственные ясли, потом в детский сад на пятидневку, а на выходные брал домой.

– А что же Клава? – в голосе Артиста звучал неподдельный интерес. – А то, – Петька откашлялся. – Загуляла Клавка на пару с матерью. У них аж до драк доходило – мужика не могли поделить. Да и то сказать, Клавкина мать к тому времени уже сильно поношенная была, а Клавка – в самом соку.

– А Андрей Артамонович что же? Неужели ничего не предпринял? – недоумевал Чаров. – А ему до этого дела не было, у него Пашка был весь свет в окошке. Он, как свободная минута, сына брал и уходил куда-нибудь. Малец-то рано говорить научился, как придет, так начинал рассказывать, что они в гости ходили, или в зоопарке были, или в цирке, или на карусели катались. Мать моя, царствие ей небесное, все удивлялась, что на такую чепуху можно деньги тратить. Телевизор купил, в кредит конечно, но все равно вещь в нашем доме совершенно невозможная. Книжки ему читал, сказки рассказывал, песни какие-то пел – сроду у нас в доме такой ерундой никто не занимался. А еще он тетрадку толстую купил и, почитай, каждый вечер что-то туда писал, уложит Пашку спать, а сам все пишет, пишет. А когда Пашка в школу пошел, в продленку, конечно, так он с ним уроки делал. Дошло до того, что он с ним в театр стал ходить. Оденутся, как на праздник, и идут. А чего туда ходить? Включи радио на кухне или телевизор – вот тебе и театр.

В голосе Артиста звучало искреннее недоверие:

– Необыкновенный человек, даже не верится, что такие бывают. Петя, а ты ничего не путаешь? – Да вот те крест, – истово перекрестился Петька. – Они, как из театра приходили, так на таких специальных листочках, что оттуда приносили, всегда писали число и в папку складывали. Была у них папка такая толстенная, старая, наверное, потому как непонятно, чем обтянутая, и с металлической застежкой. Я ее, правда, в руках никогда не держал, но как-то раз, когда Андрей Артамонович и Пашка ее смотрели, рядом постоял и видел: там бумаги какие-то старые были и много фотографий. Андрей Артамонович все Пашке говорил: «Это теперь не только мое, но и твое прошлое, и твое будущее. Можешь потерять все, но это сохрани».

– Стоящий был мужик, – вступил в разговор Степан, – сильный, не только кулаками, но и духом. Стержень в нем был. Мы как-то раз собрались на кухне у Петьки посидеть, выпить, ну, отдохнуть, в общем. Только расположились, даже разлить не успели, как он из комнаты вышел и спокойно так нам говорит, мол, вы здесь пить не будете, в другое место идите. Петька на дыбы, я здесь такой же хозяин, как и вы. Надо сказать, что Андрея Артамоновича все только по имени-отчеству называли, даже пацаны. Язык не поворачивался его дядей Андреем назвать. Ну так вот, Петька гоношиться начал, а тот на него только посмотрел. Да так... Не знаю я, как это описать, но взгляд такой... В общем, поднялись мы и ушли, и больше у Петьки ни разу даже не пробовали собраться. Было, Петька?

Петр согласно закивал головой:

– Так и было. Пока Андрей Артамонович был жив, ни разу не собирались, потом уж стали. – А отчего он умер-то? Вы же говорили, что здоровый мужчина был? – поинтересовался Чаров. – Врачи говорили физема какая-то, черт ее разберет. Только вечером он спать лег, а утром не проснулся. Мы крик Пашкин слышали: «Папа, папочка, проснись, папа», зашли, а он уже холодный. Пашка ревет, отца тормозит, все никак поверить не может, что того не стало.

Артист сам открыл вторую бутылку «Степного» и плеснул в стаканы: – Помянем раба Божьего Андрея, пусть земля ему будет пухом. Человек он был странный и во многом непонятный, но сына любил, и за это ему все грехи зачтутся. Если, конечно, были, – все молча выпили. – А дальше-то что было?

– Что было, что было... А то, что кончилась Пашкина счастливая жизнь. Клавка, когда пришла, уже полупьяная была, так она только плюнула на пол и говорит: «Что, сдох, наконец, праведничек?». Пашка-то было к ней кинулся, а как услышал такое, так сник, стоит, как

пришибленный, а она командует, переносите, мол, все ко мне, я теперь всему этому хозяйка. И про папку вспомнила, где, говорит, папочка заветная, с которой этот придурок носился, сама ее сожгу, собственными руками. Пашка, как про папку услышал, схватил ее и к себе прижал. Клавка к нему сунулась, а он только посмотрел на нее, ну точь-в-точь Андрей Артамонович, и одно слово сказал: «Убью!».

– Батюшки-светы, – всплеснул руками Чаров.

– Всего девять лет пацаненку было, но так сказал, что мы все поверили, действительно убьет. Клавка в крик – матвеевское отродье, а Пашка из комнаты выскочил и к Степановне забежал. Нам в коридоре слышно было – там уж разрыдался, а она его утешала. Да и то, она его с детства знала, любила. Он ей папку и оставил на сохранение, до лучших времен, так сказать. Потом уже я видел, как он ее у соседки забрал и к Лидке отнес.

Видно было, что Петька от этого рассказа окончательно выдохся, и для поправки здоровья ему требовалось налить.

Честная компания разлила остатки вина и, выпив за все сразу, призадумалась, где взять еще. Как я и предполагала, двух бутылок на четырех человек оказалось мало, пять рублей мелочью я Чарову дала, остальное предстояло наскрести хозяевам.

Пока они занимались сложными математическими вычислениями, я думала о Матвее. Теперь, узнав даже небольшую часть его истории, я поняла, в каком горниле выковывался этот характер. Кем же мог быть его отец? Личность, безусловно, незаурядная – и слесарь в железнодорожном депо...

Мои размышления прервал грубый женский голос, я даже вздрогнула от неожиданности, потому что он раздался в салоне моей машины. И только немного погодя поняла, что это говорит Нюрка – она ведь все время молчала.

– Какая Лидка? А такая Лидка, стерва, чтоб ей пусто было. Это из-за нее я Пашку потеряла. – Аннушка, не надо так волноваться, успокойтесь. Сейчас придет Степан, принесет нам чего-нибудь, вы выпьете, и станет легче. Съешьте банан, от него, говорят, настроение улучшается. Давайте я вам почищу... Ну вот, вы уже и улыбаетесь.

Подошедший через несколько минут Степан принес бутылку чего-то малопонятного и столь же малоаппетитного, потому что Петр очень откровенно высказался в адрес какой-то Семеновны, что она, стерва, уже совсем совесть потеряла и гонит мало того, что из гнилой картошки, так еще и разбавляет.

Дружная компания выпила, закусила, и Чаров спросил:

– А что это за Лидка? Аннушка на нее так обижена, что смотреть больно. – Лидка-то? – Степан закурил и, шумно выдохнув дым, продолжил: – А это продолжение той же истории. Вот пусть Нюрка и рассказывает. Уважь гостя, Нюр, да и мы послушаем. – А чего говорить-то? – заартачилась она. Но, в конце концов, уступила общим просьбам и стала рассказывать.

Андрей Артамонович умер в начале лета. Проститься с ним приходили не только рабочие из депо и соседи по дому, но и совершенно незнакомые люди, которые гладили Пашку по голове и просили обращаться за помощью, если понадобится. Подходила проститься и пока загадочная для меня Лидка с сыновьями-близняшками, которая поселилась в хрущевке зимой того же года. Она тоже гладила Пашку по голове и просила приходить в любое время. За несколько месяцев до смерти, никто уже точно не помнил, Андрей Артамонович с сыном частенько заходил к ней в гости. А Пашка постоянно играл во дворе с малышами.

После того как похоронили Матвеева, Клавка перенесла его вещи к себе в комнату. Ее мать к тому времени тоже умерла – замерзла пьяная во дворе, и в трехкомнатной квартире остались Клавка, Нюрка с матерью, и муж с женой, которые редко бывали дома, только ночевали иногда. Днем Клавка с Нюркиной матерью работали уборщицами в депо – мыли

товарные вагоны, а по вечерам гуляли. Видимо, дым там стоял коромыслом. Клавкина комната была самая большая, поэтому собирались у нее, пили, пели песни, плясали.

– Помню я, сам там бывал, – мечтательно сказал Степан. – Мне в ту пору было... Да какая разница, сколько мне было, но из армии я уже вернулся. Хорошо гуляли... Клавка-то еще ничего была, да и мамка твоя, Нюр, тоже. Было времечко...

– Так вот, диванчик Пашкин на кухне поставили, чтоб веселиться не мешал, – продолжала Нюрка. – Только Пашка-то к нашей жизни был непривычный: куска без спросу не возьмет. Да какой спрос? Что стащишь со стола, то и съешь. Спать в тишине привык, ходить в чистом. Днем-то еще туда-сюда, а вечером и приткнуться ему было некуда, так я его к нам в комнату звала. Мамка с Клавкой гуляют, а мы с ним сидим. Он мне про Андрея Артамоновича рассказывал, как они с ним везде ходили, что видели. Завидовала я ему, что у него папка был, я-то своего и не знала никогда. А Клавка-то смехом моей мамке и говорит, что, мол, жениха для Нюрки привела. Чего уж скрывать, нравился мне Пашка, можно сказать, любила я его. Да чего теперь вспоминать, дело-то прошлое. Только никак он прижиться у нас не мог, да и тосковал сильно по отцу.

– Что правда, то правда, – подтвердил Петька. – Сколько раз случалось: бежит с улицы к нам, а около двери остановится, вспомнит, что его там уже никто не ждет, и идет обратно, как побитый. Мать моя, бывало, зазовет его, пошли, мол, Павлуша, посидим, Андрея Артамоновича вспомним, да и покормит. Знала ведь, покойница, что у Клавки сроду ничего в доме нет. Мать-то хоть и выпивала, но меру знала, да и работа не позволяла, санитаркой в медпункте была, – гордо добавил он. – А когда и соседка-старушка ему хоть чай с булкой даст, может, и рада бы больше, да где ей было взять-то.

– Да ладно вам, – возмутилась Нюрка, – голодным он не был. Я – не он, сызмала знала, что если сама не возьмешь, то шиш получишь. И себе, и ему брала. Дело-то не в этом. Не мог он матери простить, что она так об отце его говорила. Я все удивлялась, чего он обижается, не бьют, да и ладно. А он ее и мамой-то ни разу не назвал. Клавка, как черт ее в бок подталкивал, дня не проходило, чтобы какую-нибудь гадость об Андрее Артамоновиче не сказать. Пашка сначала просил ее, чтобы она папу его не ругала, а потом, видно, понял, что бесполезно, и замолчал. А ее это еще больше злило, все хотелось его до слез довести, а он не плакал никогда, зубы сцепит и молчит. Только глаза темнели. Так-то они у него синие, а как разозлится, аж почти черные становились. А в тот день, до конца жизни его не забуду... Ох, не могу...

Какие нежности при нашей бедности, подумала я, кто бы мог предположить, что у этой кошки помойной такая тонкая душевная организация. Судя по всему, уж всем двором бита, клята, мята, а о Матвее она, видите ли, вспоминать спокойно не может. Еще всплакнет, чего доброго. А что же тогда о Матвее говорить, когда он от отца, который в нем души не чаял, попал в этот вертеп. Зато теперь мне стало понятно, почему у него тогда в кабинете глаза потемнели – видимо, эту фотографию послали без его ведома.

Артист же даром времени не терял, он всю утешал Нюрку. Плеснул ей в стакан, и меня очень удивило, что мужики не возразили; значит, было во всей этой истории что-то особенное.

По установившейся традиции Клавка с компанией гуляла в будние дни по вечерам, а вот в выходные начинали утром в субботу и заканчивали вечером в воскресенье. Нюрка с Пашкой в таких случаях спали в подвале, где она еще до его появления в их квартире оборудовала в сухом уголке некое подобие постели, натаскав туда из мусорки всяких тряпок.

В ту проклинаемую Нюркой субботу Клавка с утра пораньше особенно разошлась и крыла почем зря Пашкиного отца так, что он, не выдержав, выскочил из дома и устроился на скамейке во дворе. Нюрка вышла вслед за ним и уселась неподалеку, ждала, пока тот успокоится. По ее словам, когда Пашка был злой, то просто бешеный становился. Драться он

с ней, конечно, не стал бы – девчонка ведь, но мог и посмотреть так, что мало не покажется. А на соседней скамейке сидела та самая Лидка с книжкой, а ее дети, близнецы, играли рядом в солдатики.

– Ненавижу эту уродину... – просто взвыла Нюрка.

– Зря ты так, Нюр, – Степан решил сказать свое веское слово. – Может, тебе в то время она уродиной и показалась, но я-то уже здоровым мужиком был, в бабах разбирался. Я тебе, Володя, так скажу, уродиной она, конечно, не была. Но какая-то она была невидная. Баба, она же стервой должна быть, чтобы в ней огонь играл, чтобы ты на нее смотрел и думал, а ну как я ее сейчас... А в ней этого не было. Но вот то, что добрая была, это да... Просто посмотришь на нее и чувствуешь – добрая...

– Да задавись она этой добротой, – Нюрка все никак не могла успокоиться. – Это она во всем виновата! Она Пашку свела!

– Аннушка, ну что вы такое говорите? Павел Андреевич не конь же, чтобы его свести, – изумился Чаров. – Совсем я вас уже не понимаю.

– А вот свела! Мальцы ее, что в солдатиков играли, увидели Пашку, подбежали: «Павлик, почему ты так долго не приходил, мы по тебе соскучились». Ну, думаю, сейчас их Пашка шуганет, а он им: «Некогда было. Здравствуйте, тетя Лида». А она ему тоже: «Здравствуй, Павлик». Ну, Пашка и стал с ними возиться, только и слышно: «Саша, осторожно, не упали» да «Леша, не трогай грязными руками глаза», сю-сю-сю, му-сю-сю, – передразнила его Нюрка. – Тут дождь начался, – продолжала она. – Ну, думаю, сейчас этих мальцов домой заберут, и мы с Пашкой в подвал пойдем. А Лидка, стерва, и говорит: «Павлик, помоги мне, пожалуйста». Пашка, как дурак: «А чем, тетя Лида?». – «Не мог бы ты с мальчиками у нас дома поиграть, а то у меня много дел скопилось, а они ведь не дадут спокойно ими заняться». Пашка с ними и ушел. И все, и не стало больше у меня Пашки, – Нюрка зарыдала.

То есть это я так поняла, что она зарыдала, потому что звуки, которые она издавала, скорее походили на утренний кашель заядлого курильщика.

Так, основное я узнала, мать зовут Лидия, детей Александр и Алексей. Интересно, что такое там дальше произошло?

– Я до самого вечера ждала, как он выйдет. Только домой забежала, кусков похватила, а то вдруг он голодный придет. Ну, пришел он и три пирожка мне принес, говорит, его там покормили, а это он – мне. Я аж разревелась – в жизни мне никто ничего не давал. Ну, переночевали мы в подвале, а утром он опять туда бежит. Я ему: зачем, мол? А он: «Я тете Лиде обещал помочь ребят искупать, а то они уже взрослые мужчины, и ей неудобно их мыть». Я еще удивилась – ерунда какая-то. Только вечером приходит он чистый, и одежда на нем тоже чистая. Говорит, что мальчишки разыгрались и его всего забрызгали, пришлось тоже в ванну лезть, а рубашку с брюками тетя Лида постирала, раз все равно мокрые были. А мне принес блинчики, внутри у них мясо было. Даже сейчас помню, какие они вкусные были.

Нюрка вспоминала все эти подробности с каким-то мазохистским наслаждением. Она, как все мы когда-то в детстве, сковыривала подсохшие болячки, но только на своей душе, и получала удовольствие, когда они начинали снова кровоточить.

– А в понедельник, это мы уже дома ночевали, он опять утром убегает. Я ему: «Ты куда?» А он: «Я обещал тете Лиде, что буду в детском саду за ребятами приглядывать. Мари-ванна там одна, а детей много, ей за всеми не углядеть». А близняшки на пятидневку ходили, как Пашка когда-то. А потом и на ночь там стал оставаться.

С Нюркиных слов я все поняла. Эта Лидия старалась вытащить Пашку из того ада, в котором он жил: подкармливала, обстирывала, а потом договорилась в детском саду или заплатила им, чтобы Пашка мог там находиться и ночевать. А поскольку сам Пашка когда-то ходил в этот же сад, его там, наверняка, все помнили и сочувствовали ему – история-то его была у всех на виду. Сама Лидия была учительницей, и школа ее находилась где-то далеко,

видимо, рядом с их бывшим домом, потому что она очень рано на работу уходила. В то время устроиться в школу было сложно, это сейчас не проблема, когда у них зарплата просто нищенская. А переехали они, наверное, из-за того, что дети подросли, и она боялась, что их безотцовщиной дразнить будут. Ее мать тоже где-то работала, но из-за больных ног ходила плохо и медленно, только на работу и обратно.

Нюрка сидела, покачиваясь из стороны в сторону, и рассказывала все это уже даже не мужикам, а скорее самой себе, снова и снова переживая свою детскую трагедию:

– Я ходила, смотрела, как он там. А он то подмести помогает, то покрасить, а сам все время одним глазом за близнятами следит, чтобы не обидел никто. Его там и кормили – остается же. А в выходные он у Лидки пропадал, правда, всегда мне что-нибудь оттуда приносил.

– А Клавка что же? Так все это и терпела? Сын все-таки... – удивился Чаров. – А что Клавка? Ей сначала все равно было, даже удобно, что Пашка под ногами не путается, жить не мешает. А потом зло ее взяло, что он у чужих людей приют нашел. Я так думаю, что ненавидела она Андрея Артамоновича за то, что он когда-то ее выгнал, только с ним самим ей было не совладать, вот она все свое зло на Пашке и вымещала. Ходила она к Лидке скандалить, что та сына ее сманивает. Только пошла она грозная, а вернулась тихая. Черт с ними со всеми, говорит, не буду с образованными связываться, вдруг и вправду пенсию за Пашку потеряю. Мамка моя говорила, что она на Пашку хорошие деньги получала. Так Клавка Лидке по-другому отомстила, – Нюрка злорадно захихикала. – Она в домоуправлении паспортистку попросила узнать, откуда эта семейка на нашу голову свалилась. А как узнала, так поехала туда и все вызнала. Вернулась довольная, смеется. Говорит, всего расходов на шесть копеек, это она про трамвай, а уж радости-то.

Пока все сходится, думала я. Теперь понятно, почему Матвей на нее молится, она же из такой грязи его вытащила. Кем бы он стал, если бы не она.

– Когда раньше Клавка Лидку материла, Пашка всегда взрывался: «Не говори так о ней!». Ну, началось в тот день, а это понедельник был, потому что Пашка дома ночевал, как обычно – она Лидку костерит, а Пашка за нее заступается. И тут Клавка ехидно так говорит: «Родная мать тебе плохая, а чужая тетя хорошая. Только ты у меня сын законный, родного отца имеешь, хоть и сволочь он последняя. А тетя Лида твоя разлюбезная мальцов-то своих нагуляла, нет у них отца и никогда не было, в подоле их Лидка принесла!».

По Нюркиному тону чувствовалось, что как тогда, так и сейчас она полностью на Клавкиной стороне – такое злобное торжество слышалось в ее тоне.

– Тут Пашка с кулаками на нее кинулся: «Врешь ты все!». Клавка-то такого не ожидала, отмахнулась от него, а только в руках у нее сковородка была, и попала она ему прямо по носу. Ну, Пашка кровью и залился. Дело утром было, и все мы на кухне толклись. Мамка моя и говорит: «Смотри, Клавка, убьешь ты его, так и пенсии лишишься». А Клавка смеется: «Впредь дураку наука будет, а их матвеевская порода крепкая, не сдохнет!». Пашка из дома выскочил и в подвал.

Так вот откуда у него горбинка на носу, подумала я, не в драке получил и не от несчастного случая – от родной матери подарок на память.

– Ах ты, Боже ж мой, – запричитал Артист. – Что же это на белом свете делается? Ну, и что же дальше-то?

– Мать с Клавкой на работу ушли, – продолжала Нюрка, – а я собрала поесть и к Пашке в подвал пошла. А он лежит там, к стене отвернулся и не шевелится, я аж испугалась, не помер ли. Зову его тихонько, а он мне: «Не трогай меня!». Я уж к нему и так, и этак, а он молчит. Целый день так пролежал и не ел ничего, только воду пил, я специально за ней ходила. А вечером, поздно уже было, темно совсем, вдруг Лидка приходит. Как нашла нас? Не знаю. Села возле него и говорит: «Павлик, что случилось? Мальчики все глаза проглядели, тебя ждали, а тебя все нет и нет. Я волноваться начала».

Нюрка внезапно замолчала, видимо, подошла к самому главному.

– Он к ней обернулся, она аж ахнула: «Павлик, что у тебя с лицом?». А он и, вправду, страшный – умыться-то ему негде было, вот кровь на лице и засохла. Тут он ее и спрашивает: «Тетя Лидка, это правда, что у Саши с Лешей отца нет и никогда не было?». Лидка в лице изменилась, но врать не стала. «Правда, – говорит. – Теперь ты понимаешь, что мне без твоей помощи никак не обойтись. Разве я смогу одна двух мужчин воспитать? Тем более таких непоседливых? Я же с ними не справлюсь». Пашка только вздохнул: «Да где уж там». А она и говорит: «Пошли домой, Павлик, а то нам без тебя очень плохо». Встал он и ушел с ней. Вот и все.

– Так что же? – изумился Артист. – Так к себе домой и забрала?

– Так и забрала. А на следующий день, когда мамки с Клавкой дома не было, пришел Пашка с Лидкой, собрали его вещи, ну, книжки, игрушки, одежду, документы его. Те бумаги, что от Андрея Артамоновича остались, Пашка-то еще раньше забрал да к Степановне снес. В общем, все, что у него от прошлой жизни осталось. Положили в чемодан, с которым Андрей Артамонович когда-то приехал, и ушли. А мне Лидка говорит: «Ты Клавдии Федоровне передай, чтобы помнила. Если что, я свое слово сдержу. Она поймет, о чем я». Ну, я Клавке все это и рассказала, а она – пусть, мол, забирает, мало ей было двух щенков, будет три, а деньги-то при мне останутся.

– Вы, Аннушка, душевно прошу, простите меня, но женщина эта Лидия совершенно необыкновенная. Вот так взять, можно сказать, с улицы в дом незнакомого человека – это или от большого сердца, или от большой дури. Уж не знаю, чего здесь больше... – и Владимир Сергеевич развел руками.

– А ничего здесь удивительного нет, – решил высказать свое мнение Петька. – Пашкину историю вся округа знала. А с Андреем Артамоновичем Лидка сама знакома была, так что знала она, кого в дом берет. Для Пашки это счастье, конечно, что все так обернулось.

– Какое счастье, что ты несешь?! – это уже Степан влез в разговор. – Да если бы не она с мальцами, разве Пашка попал бы в тюрьму?!

Я уже перестала чему-либо удивляться. Действительно, в жизни случается такое, что ни в одном романе не прочитаешь, даже фантастическом. Но эта Лидия начала интересоваться меня уже никак не меньше, чем сам Матвей. Совершенно потрясающая женщина. Она Павла не жалела, не сюсюкала, а разглядела в мальчишке характер и просила его о помощи, как более сильного, как мужчину, как защитника.

– Да как же это случилось-то? Вот уж воистину от тюрьмы и от сумы не зарекайся. – Чарова разобрало нешуточное любопытство.

– Да так и случилось, – продолжала Нюрка. – Стал, значит, Пашка у Лидки жить, с мальчишками возится, по дому помогает. Да и то сказать, они его не обижали, ходил он чистый, аккуратный, всем довольный, ну, как при Андрее Артамоновиче. Как шли куда, так всей гурьбой. Они к Клавке не подходили, и она их сторонилась. А как пришло время близняшкам в школу идти, так Пашка их в первый класс повел. Гордый шел, будто родные они ему. Как перемена, он к ним, костюмчики поправит, волосики причешет, а они к нему: Павлик да Павлик, смотрят влюбленными глазами, слушаются во всем. А он с ними, как насадка с цыплятами, не дай Бог, кто-нибудь обидит. Скоро уже вся школа знала: хочешь быстро по морде получить, задень близнят. А тут... В каком же году это было-то?

И они принялись вычислять, в каком году Павел попал в тюрьму. Вспоминали, кто когда помер, женился, родился и в конце концов пришли к выводу, что было это в 84-м, когда Пашке было уже четырнадцать лет, а близнецам – по десять.

– Началось все с того, что у Клавки новый мужик появился, привела она его как-то с вокзала, так он у нее и остался. Раньше-то мужики у нее долго не задерживались. А этот отсидел за разбой, вышел, идти ему некуда было, вот и он стал у нее жить, – начал расска-

зывать Степан. – Здоровый, весь в наколках. Тихо себя вел, порядки свои не устанавливал. А пил Васька, так мужика того звали, совсем мало, говорил, что буйный становится, как лишнего выпьет. Знал он за собой такое, через это и на зону попал.

– А Клавка все эти годы зло на Лидку копила, – подхватила Нюрка, – что Пашка у нее в тепле и сытости живет, вот и стала Ваську подзуживать. Мол, сын ее у чужих людей обрывается, домой глаз не кажет, уж коли ты мужик и здесь живешь, так мог бы его воспитанием заняться. Васька отмахивался: я, говорит, свое уже отсидел и больше туда не собираюсь. Твой сын, ты и занимайся.

– В тот день, – вспоминал Степан, – сидели мы у Клавки, пили в честь праздника – Ленинский субботник был. Она опять свою песню про Пашку завела, что Лидка с близнятами ему дороже родной матери, что сманили они ее кровиночку из дома, против нее, бедной, настроили. Видно, Васька норму-то свою перебрал, потому что побагровел весь, и глаза стали бешеные. А тут как заорет: «Я им, сволочам, башку оторву» – и из дома выскочил. Я Клавке говорю: «Верни мужика, беда будет». Она смеется: «А кому беда-то? Если им, так пусть, мне-то что?». Однако за Васькой мы пошли.

– А мы как раз двор школьный убрали, – это уже Нюрка вступила. – Кто деревья белил, кто клумбу копал. Так вот близнята подметали, а Пашка с другими мусор в машину бросал. Тут Васька во двор вбегает, по виду, как зверь дикий, остановился и озираться стал. Увидел близняшек – и к ним, схватил их за шиворот, поднял и с размаху друг об друга ударил, орет: «Башку оторву». Все кричать начали, близнята плачут, кто-то милицию побежал вызывать. Я на Пашку смотрю, а он белый весь стал, только глаза аж черные.

Я воочию представила себе не только эту картину, но и те чувства, которые владели Матвеем. Интересно только, почему в его деле не было ни слова о мальчишках.

– Схватил он камень здоровый, – продолжала Нюрка, – что в мусоре лежал, и как запустил Ваське в спину. Да так ловко попал, прямо по хребту. Васька близнят выпустил, к Пашке повернулся и опять как заорет: «Башку оторву». Пашка близням кричит: «Бегите в школу», а они привыкли слушаться, ну и побежали. А Пашка еще один камень в Ваську запустил. Я так поняла, он того от близнят на себя отвлекал. Ну, Васька на него и попер, орет: «Убью, тварь». А у Пашки вилы в руках были, которыми он мусор в машину кидал...

Их-то он с размаху Ваське в живот и вогнал, да еще напрягся весь, чтобы его самого не свалило. Васька упал, за вилы схватился, видно, вытащить их хотел, орет по-матерному...

– Тут мы с Клавкой во двор вбежали – крики-то издали слышно было. Клавка к Ваське кинулась, причитает. А Пашка-то посмотрел на нее и вроде тихо сказал, да только все слышали: «Будь ты проклята!». Повернулся и в школу пошел.

Будто заново пережив этот страшный день, они замолчали.

А я сидела и думала: Господи, сколько же на долю Матвея всего выпало, как он смог все это выдержать, ведь мальчишкой совсем был. Как же он любил эту семью, если на убийство пошел. Да, аффектом здесь и не пахнет – явный умысел. И почему квалифицировали, как превышение необходимой? Ему самому явная опасность не угрожала – мог убежать. Близнецы тоже в безопасности были. Значит, он за несколько секунд просчитал, что этим нападением дело не кончится, и, чтобы навсегда свою семью обезопасить, не колеблясь, убил человека.

Нет, не могли за это четыре года дать. Здесь статья уже посерьезнее, и сроки совсем другие. Опять же Лидия каждые выходные к нему в колонию ездила, тем более в Михайловку. Сам Матвей в колонии помощником библиотекаря был. Спрашивается, откуда взялся Дед Мороз с такими подарками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.